

**АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ**

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

НАДИРА

**ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

**Издательство ЦК КП Узбекистана
Т а ш к е н т — 1979**

Составитель
Махбуба Кадырова,
доктор филологических наук

Перевод с узбекского и таджикско-персидского
Сергея Иванова

Редколлегия: Х. С. Сулейманов, Ш. М. Шамухамедов, Дж. Джаббаров, Б. С. Пармузин (редактор), И. Ш. Шагулямов.

В эту книгу вошли лирические стихи узбекской поэтессы XIX века Надиры.

Уз1
Н16

Надира.

Избранные стихотворения. Редкол.: Х. С. Сулейманов и др. — Т. Изд. ЦК КП Узбекистана, 1979. — 128 с.

На заг.: АН УзССР. Ин-т рукописей.
Избр. лирика Востока.

Уз1

Н $\frac{70404-6}{M-357(06)-79}$

© Издательство ЦК КП Узбекистана, 1979.

НАДИРА (1792—1842)

Махлар-айим Надира — видная поэтесса, занимающая особое место в узбекской литературе первой половины XIX века.

Надира родилась в 1792 г. в г. Андижане. В юности она получила хорошее образование, изучала книги по истории и литературе не только на родном, узбекском, но и на персидско-таджикском языках. Большая часть жизни поэтессы прошла в Коканде в придворных кругах. Когда Надире было тридцать лет, умер спутник ее жизни Умархан. Последующие годы жизни поэтессы провела в среде любителей и покровителей литературы.

Продолжая давнюю традицию родной поэзии, Надира создавала стихи как на узбекском, так и на персидско-таджикском языках. На родном языке она писала под тахаллусами (псевдонимами) «Надира» и «Камила», персидско-таджикские подписывала тахаллусом «Макнуна». В ее рукописных диванах встречаются различные жанры лирики — газели, мухаммасы, мусаддасы, мусамманы, тарджибанды и другие. Есть у Надиры и несколько «Песен разлуки». Все эти произведения получили широкую известность в народе и включались во многие рукописные сборники прошлого века.

В исторических и литературных сочинениях современников Надиры (Хакимхана, Хати́фа, Мушриф́а и др.) имеются сведения о том, что поэтесса принимала деятельное участие в культурной жизни как покровительница искусств. Она оказывала содействие развитию наук и литературы, участвовала в строительстве зданий медресе, караван-сараяв, торговых рядов.

В своем творчестве Надира продолжала традиции таких великих поэтов как Навои и Бедил, воспевая любовь к человеку, раскрывая его духовную красоту. Надиру привлекал также сатирический дух тех произведений Навои, в которых обличаются невежество и суеверие. Поэтесса наблюдала за происходящими событиями, осуждала пороки. Однако Надира, сама принадлежавшая к высшему свету, естественно, не могла глубоко разобраться во всех противоречиях, которые происходили в этом обществе.

В творчестве Надиры ярко проступает одно существенное его свойство: поэтесса неизменно внимательна к жизни женщин, своих современниц, придавленных жестокими положениями ислама, она возносит похвалы красоте, доброте женщин, воспекает их стремление к светлым дням будущего.

Надира стремится защитить права женщин, призывает к справедливости и человечности. Ей ненавистны времена, когда «любимый безучастен, счастье изменчиво, стоны безответны». В газелях Надиры отражены идеалы дружбы, верности и преданности. Надира утверждает, что «не ведающий любви — не человек», называет свой диван «Зеркалом любви» и в своем «Свитке счастья» высказывает веру в то, что «сердца влюбленных просветляются, если они согласуются с самой сутью сотворенного».

Стихи Надиры отмечены теми прогрессивными тенденциями узбекской литературы, которые характерны для первой половины XIX в. Надира — незаурядная поэтесса, способствовавшая вместе со своими современниками — собратьями по перу Мунисом, Агахи, Хазыком, Гулхани, Гази, Увайси и Махзуной развитию и обогащению поэзии своего времени. Творчество Надиры продолжило путь формированию прогрессивного направления в узбекской поэзии предоктябрьского периода. Современники и последователи Надиры под влиянием ее поэзии создали прекрасные образцы художественного творчества. Жившая на рубеже XIX и XX вв. поэтесса Дильшад писала: «Песнь моя созвучна стихам Надиры, и да поём мы с ней согласно».

Жизнь Надиры оборвалась трагически. Это произошло в эпоху феодальной раздробленности страны, эмирско-ханских междоусобных распрей. В 1842 г. поэтесса вместе со своими сыновьями — Мухаммадали и Султан-Махмудом была зверски убита бухарским эмиром Насруллой.

Творчество поэтессы оставило неизгладимый след в узбекской литературе. Надира мечтала о светлом будущем и звала к нему своих современников: «Я мечтаю о том, как взойдет солнце нашего счастья и наступит конец мраку темницы».

Махбуба КАДЫРОВА

ГАЗЕЛИ

* * *

О стройный станом кипарис, расцветший небывало,
Приди,— тоскует по тебе очей моих зеркало.

Пройтись бы мне вдвоем с тобой среди лугов
свиданья,—
О, если бы твоя краса моим очам предстала!..

Спалили красоту всех роз горячим жаром пыла
Твои глаза и роза уст, пылающая ало.

Силки пленительных кудрей извивом благовонным
Любого завлекают в плен и мучают немало.

Любая, что в твоем саду ни прорастет, травинка
Усов Межнуна, кос Лейли всю красоту вобрала.

Зачем разумному искать приют в убогом доле,—
Ему и в ширях всей земли покоя нет нimalo.

О, как слаба от жажды я в страданиях разлуки,—
О, сжался, кравчий, дай вина пригубить из
фиала.

Яви же красоту твою влюбленным, как в зеркале,—
Узреть бы лик твой Нади́ре,— она от мук устала!

* * *

Дивен лик твой, а краса — лучше всех отрад,
Ты — сам Хызр, твои уста, как Иса, живут.

Мне безумье суждено в страсти по тебе,
Я в плену твоих кудрей: стан — их цепью сжат.

Мой Коран — твоё чело, на его листках
Твои брови — как зачин: «Бог велик и свят»...

Блещет твой прекрасный лик лунной красотой,
А лучи твоей красоты солнца свет затмят...

Сколь неверен этот мир: долги дни потерь,
Людам от него — разор, всё в нём — боль утрат.

Есть ли где Юсуф, скажи, есть ли Зулейха?
Ныне где найдешь Ширин, где теперь Фархад?

Стойким сердцем все стерли — всю печаль любви,
В дни свиданий и разлук весел будь и рад!

Мне от века, Надира, век такой сужден:
Ведать только боль любви и не знать пощады!

* * *

О солище красоты твоей! Тем солнцем озарен
весь свет:
В мельчайших бликах — отблеск твой, круженья и
смятенья след.

О стройный станом кипарис в садах нетленной
красоты!
На кипарисе том венец благоухающий надет.

— 6 —

Моим очам померкшим дарует снова свет
Целебный прах, тобою отряхнутый от ног.

В твоих очах таится целящий очи прах:
Он мне в очах потухших сияние зажег.

Держусь я тех, кто верен, вовеки и всегда,
Хотя б и был дарован мне жизнью вечный срок.

К друзьям да снидут радость, веселье и покой,
А стрелы зла да будут врагам — что грозный рок!

Хвалиться саном-чином любезно хвастунам, —
Твой сан не знает равных — он истинно высок!

Но край одежды друга: увы, скользнул из рук, —
О Надира, наряд твой стал беден и убог.

* * *

Привет тебе, вестник султана, привет,
Удод из страны Сулеймана, привет!

Сколь благостен путь твой: убогий мой кров
Расцвел, словно сад гулистана, — привет!

Во благо пришел ты, добра твоя весть,
Тотчас зажила моя рана, — привет!

Ты строен и ладен: у райских дерев
Нет более стройного стана, — привет!

Ты солнце с луною в себе воплотил,
Ты — утро, светящее рьяно, — привет!

Ты весть о свиданье с любимым несешь,
Прошла боль разлуки неожиданно, — привет!

**Я прахом от ног твоих взор исцелю:
От слез ты — защита-охрана, — привет!**

Прошу, приложи этот прах мне к очам,—
О, сколь твоя весть мне желанна,— привет!

Весь мир подтвердит твою речь, Надира,
Сказала ты все без обмана, — привет!

* * *

О славный, вот напиток мудрых — нектар воды
Глотнешь его — и станешь Хызром:

живой,
вечен твой.

Недуг любви осилить хмелем велят нам мудрецы,
И для невзгод разлуки — тот же целителен настой.

Едва лишь зацветают розы, о вешний ветерок,
Ты нам несешь благие вести о радости хмельной.

Кто чашу горя пьет в разлуке, от крови сердца
 пьян,
 Тому вино дарует радость забыть весь мир земной.

Святоша! Если ты бесстыдно мужей любви хулишь,
Ты хоть гуляк хмельных не трогай — ворчаньем не
расстрой!

Всех жаждущих вина, о кравчий, вином щедрей
 Не то и Джама его чаша минует стороной!

О Надира, любовный кубок я до конца допью, —
Молитвою любви хмелящей да станет кубок мой!

* * *

Ты украшаешь мир, ты — солнце и луна,
А в солнце лишь краса твоя отражена!

Виденье дивных уст в душе не утаить —
Оно и в блесках брызг искристого вина.

Две пряди, как дракон, извивами крутятся,
Твой кипарисный стан замкнули в два звена.

Глаза его сравню с нарциссами в саду:
В миндальных тех очах — колдунья-пелена.

Зачем встревожен ты стенаньями любви, —
Боишься, что на мне — неверия вина?

Ты выйдешь в путь — горят все девять сфер
небес,
И вся твоя стезя огнем освещена.

И тот, кто духом тверд, пойдет, тобой ведом,
Туда, где даль времен, пределов крутизна.

Ты — солнце в небесах, где властвует пророк, —
Сверкающих твоих достоинств имена!

Усердна Надира в служении тебе,
И — веру и весь мир в награду ждет она.

* * *

Я лик твой вспомню — вспыхнет свет, и станет
ночь светла:
То — сонмы искр на Млечный Путь зарею ночь
взвила.

Ростки терпенья орошу я влагой уст твоих, —
И дива нет, что сласть плодов на всходах проросла!

Где шах, как море, сердцем чист, во славе край
цветет:
В его казне богатств не счесть, и перлам — нет
числа!

Сколь благостен радивый шах: всем просветляют
взор,
Как бы целительной сурьмой, его забот дела.

Всегда терпенью верен будь, иначе вкусишь яд, —
Кто терпелив, тот усладит всю горечь бед и зла.

О, сколь любимый мой жесток! В его руках —
аркан, —
Меня невидимой петлей погибель обвила.

Не звезды светят в небесах — то лик пылает мой,
И сонмом искристых огней ночная светит мгла.

Шальное сердце закую я в цепь твоих кудрей,
Чтобы его толпа детей неволить не могла.

Ты над любимым, Надира, вспаришь на крыльях
ввысь, —
Торчат на теле стрелы мук, как будто два крыла.

* * *

Притворство, алчность, корысть — вот суть
песнопений шейха!
Не слушай их: нет лжеца наглей и презренней
шейха.

Внушает он юным ложь, что радость любви
греховна,
Но разве не грех — притон, гнездо преступлений
шейха?

На подлой своей стезе он зла и порока алчет,
Весь мир потопить во лжи — предел вожделений
шейха.

Я пыл его притушу горячим дыханьем правды,
Хоть в огненной злобе слов и нет дерзновенней
шейха.

Он все превращает в лед своей ледяною речью:
Пробрало злом до костей, как стужей осенней,
шейха!

Цветистым тряпьем чалмы ему красоваться любо,—
Бахвальство и похвальба — вершина свершений
шейха.

Найти б тебе, Надира, среди шейхов мудрого
старца,—
Склонялась бы ты челом пред высью ступеней
шейха!

* * *

О кравчий, я прошу: не наливай вина мне,—
Лишь чаша горьких слез судьбою суждена мне.

Когда любимый зол, сношу я все покорно,—
Да будет, я молю, и милость хоть одна мне!

Мой друг — горячий стон, сжигающий мне сердце,
И участь слез — со мной, собрат в беде она мне.

О, это бремя бед — страдания разлуки, —
Да будет, о творец, та доля не трудна мне!

Мне люб пустынный дол, и мил мне рок скитаний,
Как и Межнуну, кров — чужая сторона мне.

О, что же делать мне, прошла пора свиданья,
И верности не шлют лихие времена мне.

И глянул бы хоть раз, о Надира, любимый, —
Я терпеливо жду, — что за судьба дана мне!

* * *

Душа моя — устам твоим медовым жертва,
Вся жизнь моя — твоим волшебным оковам жертва.

Разлука губит всех, кто ждет с тобой свиданья,
Душа их, вся их жизнь — манящим зовам жертва.

А если не меня гнетут печаль и ревность,
Ну что ж, моя печаль — владельцам новым жертва.

И солнце и луна — лишь выдумка и сказка,
Ты — солнце, я ж — лучам твоим багровым
жертва.

Поток алмазных слез из глаз моих печальных —
Рубинам уст твоих, устам пунцовым жертва.

Для стана твоего, мой кипарис прекрасный,
Я в жребии моем — таком суровом — жертва.

Как горестна судьба, о Надира, в разлуке,
Когда моя душа любви оковам жертва!

* * *

Вином врачуют боль измен — так сказано давно.
Держи, о кравчий, в кабачке для страждущих
вино.

Отшельник, поученья брось, не причиняй мне
мук, —
Что делать, сердце и без них страданьями полно!

Я без твоих рубинов-уст в вине ищу улад,
Но сердце — радостью вина утешится ль оно!

Тебе бы дать взамен стремян окружья глаз моих,
И было б твоему коню в дороге не темно!

Не выгибай в смятенье бровь: с тех пор, как вера
есть,
В смятенье пред Каабой быть михрабу лишь дано.

Влюбленный ведь хмельным сродни: кровь душу
опьянит,
И сердце, будто от вина, смущенья лишено.

Следы вина с рубинов-губ — как слезы цвета роз,
И словно розовой водой лицо окроплено.

Где луноликий мой кумир — души моей покой?
Где был он, там лучился свет — сияния пятно.

И хмель не дал забвенья мне в моей тоске о нем, —
Вино не стало, Надира, лекарством все равно.

* * *

Только вышел мой прекрасный, проблистал лишь
раз в саду —
Стихли горлицы безгласно, не смыкая глаз, в саду.

И когда твой взор истомный пал на вешние цветы,
Взор свой от печали томной и нарцисс не спас
в саду.

Розоликий мой едва ли сделал к розам шаг
один —
Лепестки у роз увяли от стыда тотчас в саду.

Лик твой увидав пунцовый, затевает пир весна:
Чаши роз уже готовы для хмельных проказ в саду.

Розы, цветшие в гордыне, ревность лютая
сожгла —
Словно от ветров пустыни, вешний цвет угас
в саду.

Пристыженный нежным станом, кипарис истаял
весь, —
И пришлось истечь фонтанам влагой в тот же час
в саду.

Сникли травы все смиренно, чтоб тебе по ним
идти, —
Полегли они мгновенно — разостлались враз
в саду.

Стан твой — красоту такую любо горлицам
хвалить:
О тебе они, тоскуя, стонут и сейчас в саду.

Розоликий весел ныне, но рыдает Надира,
И — мрачнее туч в кручине — взор ее погас
в саду!

* * *

Нежна в устах-бутонах речь и ниже слог на
диво, —
Да, быть из небыли извлечь умеет рок на диво!
Сердца, как птиц, пленяют в сеть благоуханны
кудри:
Лишь стоит коршуну взлететь — и он жесток
на диво.
Меджунуну воля дорога среди садов весенних,
Где свитком стелются луга, и розы строк —
на диво.
И взор любимого сердит, и брови — словно жала:
О, сколько горьких мне обид, — любимый строг
на диво!
Он пьет вино, и в хмеле том багряно полыхает
Моею кровью — не вином — любой глоток на диво.
С любимым быть, не знать забот — мне, Надире,
привычно,
А без него терпеть и гнет, и боль тревог —
на диво!

* * *

О кравчий, мрачен мой рассвет, дай мне испытать
вина,
Да будет ночь во мраке бед вином озарена!
Едва я вспомню лунный лик — и грудь мне жаром
жжет,
И чад рождают, что ни миг, пылая, пламена.

Для сердца кудри твои — сеть, а ты манишь его,
Но птица может ли взлететь, когда оплетена!

О, если б стон мой долетел к любимому челу,—
На милый лик цветами роз легла бы пелена.

Мне мук разлуки не минуть — увы, их гнет суров,
И в сердце мечутся, как ртуть, печали семена.

Свиданьем с шахом всех времен душа была светла,
Но роком праздник мой сметен, и тяжки времена.

Тебя ль забыть мне! Надира неверным — не чета:
Доколе в путь ей не пора, она тебе верна!

* * *

Сказать, что краше розы ты, — о, это очень мало,—
Накинь, о диво красоты, на взор мой покрывало!

Не выходи ночной порой: мир сотрясла бы смута,
Когда бы в темноте ночной светило воссияло...

И мук тяжелою волной захлестнуто всё тело,
И кровью слез, как будто хной, мне косы красит
ало.

О, сладок милых уст шербет, — к чему вопросов
горечь?
Когда б не сладостный ответ, я смерти б жертвой
стала!

И хоть крепка я, как стена, меня разлука губит:
О милом без еды и сна тоскую я устало.

Сгубить меня — твоя мечта, но сам будь осторожен:
Смотри, не прикуси уста, когда твой гнев —
что жало.

И да не будет так суров твой взор коварно-
томный.

Как бы тебе игрой зрачков очей не истерзало!

И люб мне кабачок теперь, где есть забвенье хмеля,
Открой-ка мне, хозяин, дверь и не скупись нимало!

О ты, крушащий свой обет, ты верности не верен,
И Надире отрады нет,— о, как она устала!

* * *

Я грущу по устам прекрасным, куст, цветущий
багряно, видя,
Я грущу по ланитам ясным, в цветнике блеск
рейхана видя.

Нежный пух на устах пробился — зелень куш над
живой водою,
Словно Хызр в роднику спустился, сколь чудесна
поляна, видя.

Что беда моя — стоны-крики для властителя-
властелина,—
Ждать ли милостей горемыке, гнев и гнет от
султана видя?

Я в пустыне грущу о друге,— не встречать бы
меня Меджнуну:
От меня он сбежит в испуге, тень мою в мгле
тумана видя!

О, как горьки мои мученья по ночам с любимым
в разлуке,—
Перст прикусит он в изумленье, сколь тяжка моя
рана, видя.

Небеса захлебнутся в столах, муки ревности снести
не в силах, —
Как зеркалом очей влюбленных я блещу ослепно,
видя.

Диво ли, если слова вестник — Сулейман
Надиру похвалит?
Восхитился бы ею кудесник, эти строки дивана
видя!

* * *

Чтоб быть с тобой, я жизнь отдам, о сладкоустый
мой, —
Доколе длиться злым годам разлуки горевой!

Лишь о тебе мечтаю я с зари и допоздна,
И день и ночь мечта моя — свидание с тобой.

Пусть даже рок, мечом грозя, мне гибнуть повелит,
Я — всюду, где твоя стезя, — нет доли мне иной!

Вознесся ввысь твой легкий стан строкою
из стиха, —
То красотой сверкнул диван — изящною строкой.

Томлюсь я от тебя вдали, Фархад мой и
Меджнун, —
От века, как Ширин с Лейли, неведом мне покой.

Какая сладость пролита на розы уст твоих,
Что слиплись милые уста в безмолвности немой?

Свечой горю я до утра в мучениях разлук, —
Как не сгореть, о Надира, палимому бедой!

* * *

Я не расстаюсь с фиалом — образом хмельного
солнца,
Жду, когда в сиянье алом утром выйдет снова
солнце.

За свиданье с милым плата — хмеля чаша
золотая, —
За желанное мне злато я отдать готова солнцу!

Как луна — твой лик чудесный, он затмил всех
луноликих:
Среди звезд в стране небесной не узреть такого
солнца!

От вина румянец — гуще, стал твой лик еще
прекрасней, —
Так расцвечивает кущи в вешний цвет пунцовой
солнце.

Ты блеснул красотой своею в высях красоты —
и сразу,
От огня еще светлее, стало вдруг багрово солнце.

Если ты не даришь взгляду светоч красоты
чудесной,
Не дарует мне в отраду света огневого солнце.

И пока в затворе тесном, Надира, ты горько
стонешь,
На ристалище небесном мчится вскачь бедовой
солнце!

* * *

Сеть вьющихся кудрей меня поймала,
И ранят брови — два язвящих жала.

Клинкам бровей тех робко покориться —
Смиренье сердцу путь предназначало.

Кто у костра уснул, золой согретый,—
Зачем ему соболе покрывало?

Из глаз моих потоки слез струятся,—
Они взбурлят — любимого не стало!

И жерновам времен не знать покоя:
Извечны стук колес, вращенье вала.

Нет, в людях мира верности не
сыщешь:
Ведь редких драгоценностей так мало!

Без милых губ пылает кровью сердце,—
Дай, кравчий, мне пригубить из фиала.

Влюбленные подобны каравану:
В поход идти — лишь с верными
пристало!

О Надира, из глаз твоих в разлуке
Не слезы — кровь сама стекает ало.

* * *

В сад свой путь лишь направит кипарис мой
прекрасный —
Всё в саду его славит похвалою стогласной.

Но напрасны хваленья несравненному стану,—
Рухну наземь, как тень, я, встать — увы, труд
напрасный!

Ярок он, как светило, но лишь кудри распустит —
И рассвет мой затмило тьмотою злосчастной.

Ты — властитель всех стройных, повелитель
красивых,
И любой из достойных — твой слуга, твой
подвластный.

Слава мудрому! Славно дал всему он основу:
В мире суть его явна — явна славой всечасной.

Светом солнца светиться было любо Мессии, —
С небосводом сроднится лишь к величью
причастный.

Серне, вольной и дикой, любо жить в дикой
доле, —
Ей ли жить горемыкой в пленной доле несчастной!

Сеть любви ловит пленных — в плен сердца
залучает:
Косы дев несравненных — ловчий злой и опасный!

Диво ль в том, что медово сложен стих Надирию?
Об устах твоих слово — этот слог сладкогласный.

* * *

Лей, кравчий, сок хмельной, чтоб душу веселило,
Мне любо пить с тобой, ханжам внимать не мило.

Всем, кто красив, невмочь от твоего сиянья:
Уходят звезды прочь, едва взойдет светило.

Был милый друг со мной — весь мир сиял,
сверкая, —
Словно вдвоем с луной вдруг солнце засветило.

Кто страстью одержим, того не сманишь лестью —
Не властвует над ним слепой гордыни сила.

На твой чертог, поверь, стократ я уповаю,—
Творец, мне ту бы дверь надежда не закрыла!

Твой ум — что меч: шутя он тайны знаний
вскроет,
Мудрец пред ним — дитя, чье разуменье хило.

О Надира, разброд безумья празит миром,
А веру бережет лишь путь любви и пыла.

* * *

Вышел он, блестя красой, розовый надев кафтан,
Острый меч сверкнул бедой — сердце не спасти
от ран.

Там, где луноликий мой людям явит дивный лик,
Блещет светом взор людской, красотою осиян.

Луки-брови стрелы шлют, тучи стрел-ресниц летят,
Их полет жесток и лют — сердце стало как колчан.

Среди всех владык земных ты могущественней
всех,—
О, возрадуй слуг своих — будь же милостив,
султан!

Я в силке твоих кудрей бьюсь невольницей
любви,—

О, расслабь силок скорей, вызволи из пут мой
стан.

Камнесердный, ты жесток, милосердья нет в тебе,
Надире на долгий срок жребий мук и стонов дан!

* * *

В разлуке я — без крова, и всё вокруг —
в развале,
Нет друга дорогого — помочь моей печали.

Среди пустынь разлуки нет мне дороги
к счастью, —
В приюте скорби муки опять меня встречали.

Без уст хмельных и пряных твоих я изрыдалась:
Вся грудь — в слезах багряных, и горько мне
в опале.

В блаженный миг свиданья любимый лик сиял
мне,
А в дни разлук страданья огнем меня объяли.

Не укоряй, помилуй, что я томлюсь
в скитаньях, —
Ищу я, где друг милый — в какой сокрылся дали.

Тебе безумной впору быть, Надира, в разлуке:
Любовь и страсть позору навек тебя предали!

* * *

Как кыбла для молящихся — твой лик,
Но свет его и в кабачок проник.

Сегодня в кабачке бурлит вино —
Хозяин здесь открыл чудес тайник.

— 24 —

Кипящих кубков длинная чреда —
Вот верный путь спасенья забулдыг!

Бог существует, мир — небытие, —
Суть эту каждый праведник постиг.

Поднять на плечи гору тяжело:
Увы, моих печалей груз велик!

Друзья мои рыдают надо мной,
Враги — дивятся, прикусив язык.

О Надира, всегда ищи любви:
Ведь без любви потерян каждый миг!

* * *

Окажи мне услугу — добрым другом мне будь:
Весть дай милому другу, сколь печален мой путь.

Если хочет он карам всех влюбленных предать,
Сабли первым ударом пусть мою рубит грудь.

Кравчий, сладь со святошей, порицающим хмель, —
Чашей хмеля хорошей напой как-нибудь.

Обо мне плачут звери всех пустынь. Ветерок,
Полетишь к милой двери — расскажи, не забудь.

Стан твой стройностью линий — словно сам
кипарис,
А походка — павлиньей не уступит ничуть.

Не смыкаю я очи, луноликий, томясь, —
О, взойди в мраке ночи — на влюбленных
взглянуть.

О Надира, в благой стране живи и вечно
здравствуй,
Где есть Джамшид, и в Фергане царит Хосров
во благо!

* * *

Чуть созданный любви чертог разлука разнесла,
увы,
Снес его бед моих поток и сокрушил дотла, увы.

И сердца порванный лоскут все мои раны обнажил,
И душу раны страсти жгут, я скрыть их не смогла,
увы.

Любимым позабыт обет — все обещанья презрены,
И верности уж нет как нет, и ложь мне тяжела,
увы.

Желала я обрести покой — полу свиданья ухватить,
Разлука грозною рукой мне ворот порвала, увы.

Тех, кто любовью осиян, ты зря, святоша, не кори:
Влюблен был даже шейх Санъан, и страсть его
сожгла, увы.

И пыл мой сердце кровью сжег, зардел рубинами
поток,
И дождь печальных слез истек, и нет слезам числа,
увы.

Померкла радости заря, и наступила ночь невзгод,
И солнце, цветшее, горя, сокрыло свет чела, увы.

Хоть был и грозен и суров властитель дивов —
Сулейман,
Но горстка жалких муравьев сгубить его смогла
увы.

Сердце, если ты любишь, о любимом томясь,
Будь безгласною жертвой, не старайся спастись!

Сердце, рушь своим стоном поднебесный чертог,—
Только дом твоей страсти укреплять не ленись.

Твоя брови — что сабли, всех готовы губить,
Твоя черные очи палачом нареклись.

Попутру звонкой песней пой в саду, соловей,—
Розы лик вспоминая, громко пой, не таись!

Пусть и грозен властитель, сердце, страха не знай:
Ухваться за поводья, миг спасенья приблизь.

В поле искрой единой сто стогов опалит:
Смотришь, молнии страсти на весь мир занялись.

Надира, боль разлуки терпеливо сноси,—
Ты терпением сердце укреплять научись!

* * *

О тайнах сердца, ветерок, ты другу моему скажи —
О том, как я в плену тревог тоскую по нему,
скажи.

Ему, чей облик, как тюльпан, пунцово-ярок и
румян,
О том, как много в сердце ран горит — клеймо
к клейму,— скажи.

Как горько мне одной страдать, томясь в разлуке
Зулейхой,
Тому, чья красота под стать Юсуфу самому, скажи.

Забудь жестокую печаль неверного и злого мира,
Налей вина, утешь себя, не упусти счастливый
случай.

Ведь должен мужественным быть и тот, кто не
в доспехах брани,
Кто без усов и бороды, кто силою — не муж
могучий!

От крови сердца моего, от печени кровоточащей
Вино, как яхонт и рубин, сверкает краснотою
жгучей.

Ты этой песней, Надира, любви и верности
взыскуешь,
И на судилище людском оправдан лад твоих
созвучий.

* * *

На розы не льстись, не прельщайся весной,
С мечтой о желанном уйди в мир иной.

Любви не изведавший — не человек,
Пойми: человек жив любовью земной.

Красуйся челом, ладной статью своей,
Цветы пристыди их красой показной.

Я в тяжком похмелье, — дай чашу вина,
Рассей, виночерпий, дурман мой хмельной.

Приди, о Мансур, возгласивший: «Я — бог!» —
Добудь свою правду всей жизни ценой.

Ты слезы-рубины о друге пролей, —
Да хлынет к стопам его дождь проливной!

Слагая напев свой всем людям земли,
Ты пой, Надира, о любви лишь одной.

* * *

Если ты, о сердце, любишь, путь держи в хмельной
приют:
Там хмельного ты пригубишь, там вина тебе
нальют.

Ты твердишь: «Вреда не будет от друзей и от
врагов», —
Да, но пусть чужим пребудет для тебя весь
чуждый люд.

Если верный и подвижник пред тобой падут
во прах,
Мотыльком сгорай за ближних, как бы пламень
ни был лют!

Если хочешь, беспечален, в мире соколом парить,
Ты, как сыч среди развалин, тихий отыщи уют.

Знания чти, терпенье, разум,— вот где свет и
светоч твой:
Строго следуй их наказам, принимай их мудрый
суд.

Дальше будь от ссор и схваток, будь умен и
не кичлив,
Сон и бред — мирской достаток, сказка, полная
причуд!

Ты порядок справедливый укрепляй, о Надира,—
Мужественной будь, правдивой на пути,
где верность чтут.

* * *

О владыка всех владык, я прошу: мой зов услышь,
Смилуйся, безгласный крик — о, не будь суров —
услышь.

Мой кричащий болью стон на челе твоей красы,
Словно стих, запечатлен — стих из горьких слов
услышь.

О мой стройный кипарис! Сломленный, мой
стан-самшит
Клонится ветвями вниз, он упасть готов, —
услышь.

Я, собрав обломки сил, дом терпенья возвела, —
Ливень слез его размыл, мой разрушен кров, —
услышь.

Все надежды и мечты ты без жалости крушишь, —
Почему ж не вспомнишь ты, жребий жертв
каков? — Услышь!

О, приди, — я говорю, — хоть бы раз тебя узреть,
Я безумнем горю, о властитель снов, — услышь.

Просит ветер, Надира, дать тебе такую весть:
Хоть газель моя добра, жребий мой тернов, —
услышь!

* * *

Если мне Фархад расскажет, что, мол, он влюблен,
Он моим горячим стоном будет посрамлен.

Знал Меджнун любви мученья, но, узрев меня,
Верно, перст в недоуменье прикусил бы он.

Если б силу моей страсти перенял Фархад,
Вмиг прожег бы горы-долы его жаркий стон.

Разве средь людей не жил бы, как и я, Меджнун,
Если он моим терпеньем был бы наделен?

Разве Зулейха могла бы без Юсуфа жить,
Если б ей хоть искру отдал жар моих пламен?

Не сдержать груз мук любовных даже кряжам
гор, —
Видно, лишь мой дух в терпенье стольких бед
силен!

Все невзгоды, что в разлуке стойко я сношу,
Где еще терпел влюбленный — в дни каких
времен?

Да владей хоть сотой долей моих мук Меджнун,
Судный день его стенаньем был бы возведен.

Надира, благодаренье возвести творцу:
Дар любви тебе во благо дарит небосклон.

* * *

Уж я давно дружна с другим, и весь тот долгий
срок.

Огонь утраты изнурял, терзал меня и жег.

Так нужно было: я ушла, гелепию верна, —
Иначе бы хозяйский кров покинуть раб не смог.

Очам души моей сурьма — прах от дверей твоих,
Уйти ж от дома твоего — нет для меня дорог.

С тобой — счастливая звезда, судьба твоя светла,
Богатство, власть — твои рабы, и жребий твой
высок.

Залог покоя слуг твоих — прислуживать тебе:
Нет в мире счастья для того, кто бросит твой
порог.

А я к порогу твоему устало преклонюсь:
Мне без тебя иной приют — пристанище тревог.

Любимому рабою быть готова Надира, —
Хоть эту милость от него пошли мне, ветерок!

* * *

Жизнь изведать сумей и — уйди,
Мир познай и людей и — уйди.

От жестоких обидчиков — прочь!
Стоном горе излей и — уйди.

В цветнике бытия погости,
Как меж роз соловей, и — уйди.

О слеза! Окропи этот мир
Всею болью своей и — уйди.

Лжив и тленен цветник бытия,
Вздохом листья развей и — уйди.

Для влюбленных пристанище — сад:
Выйди в путь поскорей и — уйди.

В мир пришел ты — какая в том цель?
Лишь поведай о ней и — уйди.

Тайну чувств береги от толпы,
В сердце тайну взлелей и — уйди.

В путь любви соберись, Надира,
Слезы-жемчуг пролей и — уйди.

!

* * *

Когда исполнен человек живых примет любви,
Он и в возлюбленном найдет ответный след любви.

Достоин пиршества любви, кто ночи напролет,
Глотком единым вдохновлен, являет свет любви.

Достоин тот, кто, позабыв мирскую суету,
Пьет залпом чашу и хранит хмельной завет любви.

Когда ты страстью сокрушен, таи свою печаль,
Соперник спросит про нее — скажи, что нет любви.

Покая хочешь — береги своей любви приют:
Под сенью крепких стен его грозит ли вред любви?

Мессия снизошел с небес, чтоб страждущим
помочь,
И стало солнце в небесах больным от бед любви!

Когда от недругов-врагов себя убережешь,
Не выдай и друзьям своим — в пылу бесед —
любви.

Притворно четки теребя, гордился тем ханжа,
Но, оплетен безверьем, он забыл обет любви.

Когда увидишь, Надира, аскетов на пиру,
Ты им не выболтай, смотри, святой секрет любви!

* * *

Хмельна я, кравчий, лей мне хмель густой —
Я хоть на миг расстанусь со тщетой!

О, вызволи меня из пут беды —
И днем и ночью винный лей настой.

Испей вина, беги от суеты,
Лови лишь миг, вся жизнь — обман пустой.

Тебе в моих очах готов приют, —
Его хоть раз вниманьем удостой.

Влюбленным сердцем миг свиданья жди,
Не ведайся с тщеславной суетой.

Желаешь ты сердца ловить — лови
Их сетью, из кудрей твоих витой.

Пока вкушаешь ты свиданья хмель,
Джамшид ты и Бахрам, — живи мечтой!

Пьешь чистый хмель ты, а гуляк пои
Осадочной, хмельною густотой.

Желаешь ты удач, о Надира, —
Не жди удач, — на этом твердо стой!

* * *

Выйди в вешний сад, красуясь красотою
розоцветной, —
Да предстанет пред очами дивный блеск твой
искрометный!

Посрами все розы сада, — да стыдятся все бутоны:
О, яви свой лик, играя уст улыбкою приветной.

Сердце, если ты желаешь единенья с милым
другом,
Всё забудь — весь мир вселенский, отыщи порог
заветный.

Если ты богатства хочешь, позабудь корысть и
алчность,
Полюби людей, будь добрым к их печали
беспросветной.

Темной ночью мысль о друге посетила меня
гостем,—
Плачьте, очи, возвещая блеском слез восход
рассветный.

Как тебе вручу я душу, если мы с тобой в разлуке?
О, явись,— и примирюсь я с долей смерти
безответной.

Я все тайны моей страсти выдаю за словом
слово,—
Надира, терпи страданья: выдавать их — грех
запретный!

* * *

Лишь промолвят уста твои властное слово —
Ловит души людские опасное слово.

А на свитке души твою речь напишу я —
Благовонья рассыплет прекрасное слово.

Закрывают в смущенье жемчужницы створки,
Лишь сойдет с твоих уст сладкогласное слово.

Ни одно мое слово с твоим не сравнится,
Хоть и тысячу раз молвлю страстное слово!

А когда ты в беседе уста раскрываешь,
Посрамит самоцветы их красное слово.

Речь едва заведешь ты — и все златоусты
Похвалою встречают согласною слово.

Надира, разлученная с чудо-устами,
Тебе пишет со скорбью всечасною слово.

* * *

Мне любимый душу мучит безотрадным разговором:
Что ни миг, то льются слезы вслед досадным
разговорам...

О святоша, не перечь мне, одержима я безумьем, —
Меж безумным и разумным быть ли ладным
разговорам?

На огне сгорать безгласно — это доля всех
влюбленных:
Мотылек займет ли свечку стройным, складным
разговором?

Нет, луне и в полнолуние не сиять твоей красою:
Ты — как солнце, с ним привычен ты к усладным
разговорам.

Видно, в этом мире в людях не найдешь теперь
отличий:
Сходятся глупец и умный за неладным разговором.

Надира, злонравным жаром все начетчики
пылают, —
Как ни учишь их, нет края их злорадным
разговорам!

* * *

Никто не спросит мотыльков — зачем, мол,
вы сгорели, —
К чему ж судить, если ты мудр и о моем уделе!
Когда хмельного ты узришь, не прибегай
к расспросам:
Он пьян от хмеля дивных уст, причина тут не
в хмеле!

Всем ланям всех земных степей твоя краса —
на диво,
Красой твоих хмельных очей посрамлены газели.
Витки твоих густых кудрей распутывать не просто:
Поверь словам — и гребень твой не гожд для этой
цели!

Поток бушует, пеной вод играя своевольно,
Но к совам в глушь он не течет — чужой он в том
пределе.

Сказ обо мне слышал Фархад, но стал бы он
Медждуном,
Когда б всю повесть моих мук ему сказать сумели.
Усердно ты, о Надира, чертог любви возводишь, —
Кто столь же мужествен и смел, — ты мне
поведай, — все ли?

* * *

Мир ненадежен: добро и тщета — все бесполезно,
Осени тленье, весны красота — все бесполезно,
Нужно ли горе тяжелых невзгод — тяготы жизни?
Тщетны печали, тревога пуста — все бесполезно.

Если влюбленный не встретит в любви страсти
ответной,
Стоны и крики, ссор суета — всё бесполезно.

Если влюбленной нет счастья в любви, нет
единенья,
Страсти напрасны и жизнь отнята — всё
бесполезно.

Если не внемлет народной беде шах нерадивый,
Слава ли, власть ли, тщеславья мечта — всё
бесполезно.

Мудрый властитель жалеет народ, милостив
сердцем,
Злым не поможет и крепость щита — всё
бесполезно.

Если томиться в любви, Надира, тихим гореньем,
Быдашь ли горе, смолчат ли уста — всё
бесполезно.

* * *

В любви мне и лихой юдоли хватит,
От счастья мира — жалкой доли хватит.

Развеселят ли пир мои стенанья?
Здесь стоны чангов — их на то ли хватит!

А в кабачке — вино в тюльпанных чашах,
Убранства блеск — есего здесь вволю хватит!

Любимого искать при свете молний
Монх стенаний — мне той доли хватят.

И чтоб сгубить соперниц, — о, поверьте, —
Тоски моей, сердечной боли — хватит.

Скитаюсь я одна в степи безумья,
Мне друга-смерча в диком доле хватит.

А сердца, Надира, — излить страданья,
Хоть капля крови есть доколе, — хватит!

* * *

Терпенью подошел предел — сдержать мой стон
кричащий трудно,
И не смущать покой людей тоской, меня томящей,
трудно.

Когда иссечена вся грудь, когда стократ томит
безумье,
Заветный не искать порог, меня к себе манящий,
трудно.

Поверь мне: на стезе любви влюбленный — весь
во власти пыла,
И там навек не пасть во прах, поверь же, мне,
пропащей, трудно.

О лунобровый, сердцем я грущу о празднестве
свиданья, —
Безгласной жертвою не пасть за лик, луной
светящий, трудно.

О, как крошечны мрак разлук и темень
беспроглядной ночи, —
Тебя припомянув, не истечь слезой, в ночи
блестящей, трудно.

Да, стрелы бедствий на меня обрушились гнетущей
силой,
Но скрыть, о Надира, гнет мук, тебя в любви
губящий, трудно.

* * *

Как много от любимого мне бед:
Неверен он и рушит свой обет.

Соперник, месть лелеющий в душе,—
Безверец, в нем и дум о боге нет.

На диво всем любимого краса,—
Под стать зеркалу его лика свет.

Святошам любви хитрость и обман,—
Двуличье — свойство этих приверед.

Ресницы-стрелы мечет лук бровей,—
Без промаха наносят они вред.

И что за прок от соловья в саду,
Когда им страстный зов любви не спет!

Зовет к свиданью друга Надира,
И зов ее молитвою согрет.

* * *

О, не делись ни с кем своей печалью,—
Ты огорчишь своих друзей печалью.

Никто на свете без забот не прожил,
Все сражены своих скорбей печалью.

Из благ твоей красы дай мне хоть долю,—
Ведь ты богат, а я — с моей печалью.

В зеркале глаз моих яви чело мне,—
Объята я, о свет очей, печалью.

О, как ты нужен мне, мой друг любимый,—
Я о тебе грущу со всей печалью.

Быть хочешь чтимым у мужей достойных —
Вовек им докучать не смей печалью.

Дели нужду и скорбь, все беды друга,
Но не томись чужих людей печалью.

Что тебе стоит — будь же милосердным, —
Томлюсь я по красе твоей печалью.

О Надира, я жду свиданья с другом, —
Гнетет мне сердце все сильнее печалью.

* * *

Вмиг меня оставил разум: друг мой засиял светло,
А запел и заиграл он — мне всю душу обожгло.

И не диво, если ликом всех он тотчас поразил:
Словно зеркало, сияет несравненное чело.

А улыбка уст играет словно бы живой водой,
Блеск очей его лукавых смутой мучит тяжело.

Воссиять тебе красою страж творенья повелел, —
Среди кущ твой стан высокий, словно пальму,
вознесло.

Сникшим сердцем поняла я, вдруг очнувшись и
прозрев,
Как сияет благородством мой избраннык всем
назло.

Твои очи, твои брови птицу сердца словят вмиг, —
Расправляет властно сокол, видя жертв своих,
крыло.

Что Фархад с Меджнуном вместе и Вамык!
Любимый друг
Понял раньше: высшей страстью Надиру к любви
влекло!

* * *

Мрачно мне, когда ты кудри черной тучей
разметнешь,
А когда чело ты скроешь — светлый день на ночь
похож.

О, как горько боль разлуки души любящих
гнетет, —
Реки слез шумят потоком, стоны всё сметают —
сплошь.

Даже розам не во благо светоч красоты твоей:
От печали вянут розы, как по саду ты пройдешь.

В дни свиданий мне лекарством были милые уста,
А разлуку не излечишь: боль в душе и в сердце
дрожь.

Нет утехи мне и в хмеле: в кравчем нет ко мне
любви,

В чашу льется кровь — не слезы, — словно в грудь
вонзился нож.

Друг мой выйдет, да пройдетя — всех влюбленных
истомит,
Всех погубит взор лукавый, — так красую он
хорош!

Надира, ты не познала в единенье долю благ,
И мечтою о владыке всех времен себя сожжешь.

* * *

Душа, ради друга мирское забудь —
И благодать и тишь куш покоя забудь.

Корысть единенью с любимым претит, —
Себя преступи — мелочное забудь.

Чужда людям верность — благим и дурным, —
Пройди мимо всех стороною, — забудь.

Пари птицей Анко у горных высот, —
Как падаль искать под горою, забудь.

Душа! Если ты — пленник бранных сует,
Желать вечной жизни — пустое, — забудь.

Вот ты говоришь: «Отрешишь от друзей»,
Но мне не тверди: «Дорогое забудь»!

Рыдая, ты льешь, Надира, море слез, —
Минуй это море, иное — забудь!

* * *

Хочешь счастья в любви — мир мирской позабудь,
Всё, что послано роком-судьбой, позабудь.

Ради благ единенья забудь целый мир, —
Что весь мир! Даже тело с душой позабудь!

Ради блага на стан несравненный взглянуть
Даже вечную жизнь — мир иной позабудь.

Сердце! Весь этот мир — лишь пристанище бед, —
Все печали со всей их тоской позабудь.

Будь далеким от всех — и благих и дурных, —
Всё презри: где благой, где дурной, — позабудь.

Ты обитель себе под землей обрети,
Сей цветник с его мелкой тлцетой позабуди.

Если друг твой любимый сокрыт под землей,
Надира, даже небо с луной позабуди!

* * *

О праведники, надо пить вино, —
Оно для блага духа нам дано.

Влюбленным, не избегшим пут любви,
Потребен хмель — хмелеть разрешено.

Что праведник со святостью своей!
Без хмеля разве благо суждено?

Когда твой лик сокрыт от взора глаз,
Мне день и ночь — что темное пятно.

Мне сто скрижалей нужно на сто лет,
Чтоб описать чело твое одно!

А если милый друг от взора скрыт,
Плачь день и ночь — светло или темно.

Советчик! Наущение забудь, —
Безумному во благо ли оно?

Моли, о Надира, творца открыть
Тебе тот дом, где всем дают вино!

* * *

Пламя страсти в разлуке — такая беда,
Что померкнет пред ней преисподней страда!

Сердце — рана сплошная, рубец на рубце, —
Это след твоих стрел — к борозде борозда.

Равнодушие с любовью нельзя примирить:
Жаркий пламень — противник холодного льда.

Шаху пышное ложе приносит покой,
Я же, странница, местом у печки горда.

Этот мир, Надира, и жесток и кровав,
А покоя не сыщешь, где кровь и вражда!

* * *

Когда есть друг-собрат благословенный,
Чей лик и светлый взгляд благословенны, —

Найдется ли другой ему подобный,
Что красотой богат благословенной?

Мой милый друг — властитель всех красивых,
Он — сладкоречья клад благословенный.

Подобен ветви он красивым станом,
И в лике его — лад благословенный.

Щедра обитель хмеля благодатью,
Там кубков звон — стократ благословенный.

Нет, мне чело отшельника не любо,
Хоть он надел наряд благословенный.

У Надиры отменны стих и мысли,
А в слогe лад и склад благословенны.

Очи карой кровавой нещадно грозят,
Меч убийца над жертвой занес,— посмотри.

Меч разлуки мне грудь на сто клочьев рассек,
Сотни тысяч он ран мне нанес,— посмотри.

Видишь: я, как свеча золотая, горю,—
Как пылает мой стон болью слез,— посмотри.

Разве лани дичатся Меджнуна,— скажи,—
На меня, о, молю, без угроз посмотри.

Надира, знай, что все в этом мире хмельны,—
Ты на чашу, что кравчий поднес, посмотри.

* * *

Мне, когда твои уста не со мною, горько,
В дни, когда вся жизнь пуста, и хмельное — горько.

Розы радуя, весной соловей ликует,
А осеннею порой стонет, ноя горько.

Лют соперниц злобный гнет, люб мне друг любимый,
Всё, что любо,— сущий мед, а дурное — горько.

Нет, твоей измены яд — хуже, чем убийца:
В нем всё горькое стократ, чем иное, горько.

Бьется слез моих волна — набегают капли,—
Соль морская невкусна — жжет волною горько.

Снякла Камила совсем, сладких уст лишившись:
Даже если сахар ем — сладко, но и горько!

* * *

От моих горячих стонов вьется к небу жгучий дым,
Застилает блики солнца непроглядной тучей дым.

До глубин земли проникла влага моря слез моих,
А мои стенанья мечут к небесам тягучий дым.

Ночью я стенаю, вспомнив кудри черные твои,—
Диво ли, что кроет небо пеленой горючей дым?

Свет красы твоей пылает, кольца дымные летят,
И, как будто кудри, вьется вокруг тебя летучий дым.

Жаром красоты, молю я, тело мне не обожги,—
Пусть легко и нежно пышет амброю пахучей дым.

О любимый, яркой свечкой для других ты не
гори,—
Пусть соперниц не заденет — ты меня не мучай —
дым.

Надира, ты горьким стоном создала горячий стих:
На листки дивана строчкой ладно лег текучий дым!

* * *

Прекрасен и строен станом, в саду кипарис стоит,
И гребнями сучьев кудри ласкает ему самшит.

Забыта я луноликим, и участь моя — позор,—
Он, всех ввергая в безумье, коварно и зло хитрит.

Клинками бровей играя, два ока, словно палач,
Грозятся убить влюбленных,— коварен их грозный
взд.

Жестоко твое коварство, и любо мучить тебе,
Не верности ты обучен, а злой науке обид.

Забыта тобою верность, ступил ты на путь измен,
Ты верных тебе не помнишь, обет тобою забыт.

Огонь моих жарких стонов, увы, тебя не смягчил,
А жар ведь и сталь расплавит — огонь и ее мягчит!

О Надира, ты надежно воздвигла чертог любви:
Обитель счастья хранишь ты, и прочен ее гранит!

* * *

Когда былую верность он безжалостно пресек,
Как стал от тела моего огонь души далек!

И диво ли, что мне грозят войска моей беды?
Ведь войско твердости моей не выслало подмог!

Бессильна я, больна: ушел луноподобный мой,—
О, как превратна ты, судьба, и как злосчастен рок!

Душа! Безмолбен мой язык, а ты приказа ждешь,
Твой путь — в страну небытия по пустырям
пролег.

Блажен, кто принят в тот приют, где властвует
любовь:

Его беседу никто еще не пренебрег!

Терзаясь мукою своей, узнала Надира:
С разлукой рядом — адских мук огонь не так
жесток!

* * *

Благодарение вовек: мой не отвергнут труд,
Приметы преданной любви опору мне дают.

Ты для неверных — божество, ты — идол
мусульман,
Кааба, капище — твои: два храма — твой приют.

Когда сразит тебя печаль — скорее в кабачок,
Проси поддержки у гуляк: они ведь добрый люд.

Хозяин стену здесь воздвиг — сплошной заслон
из чаш,
И толпы диких орд сюда вовеки не пройдут.

Доступен ли урок любви отшельнику-глупцу?
Смотри: заученно бубнит заклятья словоблуд!

Походкой плавной мой кумир выходит гордо в сад,
Все кипарисы он затмит, он — самый стройный тут.

С манящим зовом мой кумир подходит к Нади́ре,
А на любом ином пути — его преграды ждут!

* * *

Десница смерти тем горька стократ,
Что ею будет труд всей жизни взят.

Не тщишь украсить зданье бытия:
Ветха опора — бранный мир утрат.

В чертоге сердца вечна боль любви,
Пока на свете вечен жизни сад.

Хитер в обмане и неверен мир,
В нем даже верность лишена улад:

Ширин томила, мучилась Лейли,
Меджун терзался, горевал Фархад.

Все связи мира — звенья цепи зла, —
Не так ли ловчий ставит сеть засад?

* * *

Во всех садах земли, о несравненный мой,
Самшит и кипарис сравнятся ли с тобой?

Приди ко мне, приди, мой стройный кипарис:
В моих мечтах — твой стан, красивый, молодой.

С моим любимым, рок, меня ты разлучил
И сто несчастий мне послал своей рукой.

Терзай меня, терзай разлукою, судьба, —
И горе, и печаль сроднились со мной.

Смиренью обучись — и сердце заблестит,
Как чищенная сталь, зеркальной белизной.

Скорбящая душа из тела рвется прочь, —
Ах, вызволь соловья из тесной клетки той!

Ты дерзко возжелал Каабу укрепить,
А сердце — как пустырь, — его благоустрой!

Жестокости измен и горести судьбы —
Как тяжко, Надира, жить с мукою такой!

* * *

Я захлебнулась кровью, скорбь — в дыхании
оледенелом,

Как листья осени, лицо в разлуке стало
пожелтелым.

Я на дороге ниц паду туда, где он ногою ступит, —
Не страшно превратиться в прах душой измученной
и телом.

Врач прикусил смущенно перст и молвил мне
в недоуменье:
«Любовь — недуг твой, для нее лекарств не
сыщешь в мире целом!»

Кто жаждет суеты мирской, того погубят путы
страсти,
Но вольных в цепь не заковать, капкан не будет
им уделом.

Не будь беспечным, если вдруг войска разлуки
набежали,
О сердце, в битву устремись, отдай всю силу
стонов стрелам.

На теле немощном моем — разлуки горестные
пятна:
В игре любви два цвета есть, и черный цвет здесь
рядом с белым.

Ты не находишь, Надира, тропинку к цветнику
свиданья,
Скитаешься среди пустынь в отчаянье одцепенелом.

* * *

Прошла счастливая пора, и нет, увы, вестей о нем,
И сердце на его пути скорбит в рыдании немом.

Где кипарис взметнется ввысь, цветут бутоны
нежных роз,
Но сколько стройных тех деревьев ушло, покинув
сад — свой дом!

И он на пиршестве времен вознесся гордой головой,
Но, как свеча, в недолгий срок сожжен губительным
огнем.

Весной бутоны роз цветут в садах, где верность и
любовь,
В разлуке ж сердце, как тюльпан, кровавым рдеет
лепестком.

Степи безумья суховой, то — сердце мечется мое,
Но путь к заветному огню ему поныне незнаком.

И если пес его придет о сердце горестном узнать,
Я брошу печень перед ним — приманкой, лакомым
куском.

От мук разлуки я больна, и скорбно я на мир
гляжу,
А он на слезы Надиры уже не глянет и тайком.

* * *

Друг мой — светоч моей ночи: каждой искрой
огневой
Нить души моей палит он, губит мукой горевой.

До краев его одежды лишь коснутся пыль и
прах —
Эту пыль к очам прижму я — рухну в пыль я
головой.

Ветерок едва поднимет легкий прах с его пути,
Я — в смятенье, в нетерпенье, и мой дух —
полуживой!

В моем сердце рдеют раны, как тюльпаны
на лугу,—
Как бы зависть не сгубила этой шири луговой!
Легкий ветер только тронет кипариса стройный
стан —
Нить души моей трепещет, словно в буре
вихревой.

От огня любви все сердце пышет пламенем
в чаду,—
Всё сожжет — и плоть и душу — этот пламень
грозовой.

Надира, красою славен лик властителя времен,—
Всех хвалить его и славить призывает голос твой.

* * *

Не будь тщеславным, сердце,— нет верности
на свете:
Печалью и тщетою он жертвы ловит в сети.

Рок узы двух влюбленных разлукой расторгает:
Презрев любовь и верность, он губит блага эти.

И только хмель багряный влюбленному поможет:
Был лик его печален, теперь — в пунцовом цвете.

По вешним кущам сердце, как соловей, томится:
Тоскует о любимом, стеная на рассвете.

Остерегайся, сердце, лукавых козней рока:
Обманет да изловит — и ты за всё в ответе!

Ты, Надира, мечтаешь о милости господней,—
Обет твой — справедливость, и ты тверда в обете.

* * *

В разлуке с другом в сердце ад бывает,
Мучителен в душе разлад бывает.

Да, в мире много споров и раздоров,
Однако в нем и добрый лад бывает.

Все люди в жизни много жертв приносят,
И даже смертью рок чреват бывает.

Но дар страдальцам — сладость уст Мессии,—
Благой исход у бед-утрат бывает.

А если болью жгут ресницы-стрелы,
Удушьем горя ворот смят бывает.

И ночью, сжатый мукою разлуки,
Мучителен мой стон стократ бывает.

Да, в мире, Надира, бывшее счастье
Увы, нельзя вернуть назад бывает!

* * *

Мне весть о любимом друге, о ветерок, принеси,
Очам моим прах целебный с его дорог принеси.

Запой мне, певец, о верных под звуки звенящих
струн,
И весть о друзьях любимых — любви залог
принеси.

Удод! Если встретишь ветер, подай Сулейману
весть —
Привет от Билькис-царицы к нему в чертог
принеси.

Судьба моя, о любимый, как черная ночь, мрачна,—
Мне вестъ, что рассвет, сияя, лучи зажег, принеси.

Меджунун! Венец драгоценный лишь голову
тяготит,—
Ты лучше от птицы счастья мне гребешок принеси.

И пусть, Надира, сияет зеркало твоей любви,—
Ты вестъ, что в его сиянье свет не поблек, принеси.

* * *

Счастья встреч без мучения нет:
Без шипсов — и цветения нет.

Есть избранники сердца у всех,
Мне ж в любви утешения нет.

Встреч с возлюбленным я лишена,
И от мук мне спасения нет.

Боль разлуки с любимым терплю,
Но любви без терпения нет!

Тени нет у разрушенных стен,
Сокрушенным — забвения нет.

Пусть твой локон змеится: где клад,
Там от змей избавления нет.

С кипарисом не сравнивай стан:
В кипарисе движения нет.

Слов соперниц не бойся: у злых*
Не найдешь одобрения. Нет!

Но поймет, кто в любви одинок:
Надире исцеления нет.

Без друга милого меня печалью извела разлука,
И тяжело стало мне терпеть — безмерно тяжела
разлука.

О, мне бы прах с его пути прижать к очам для
исцеленья!
Я силу воли берегла, но волю отняла разлука.

Прости безумие мое, о муж ума и разума, —
Меня, прослывшую умом, Меджнуном нарекла
разлука.

В дни единенья берегла я тайны сердца
от соперниц, —
Увы, ославила меня, испепелив дотла, разлука.

Вся боль укоров, гнет измен меня во прах
испепелили,
Попрали бедствия меня, и прах мой размела
разлука.

В садах свиданий я цвела пунцово-розовую
ветвью, —
Пришел, увы, осенний тлен, сулит мне жребий зла
разлука.

Слезами скорби придала я блеск очей моих
зерцалу, —
Печаль по шаху красоты навеки мне дала разлука.

О кравчий, дай вина, — одной, без друга, тяжело
похмелье,
Сменила счастье хмелем мук, которым нет числа,
разлука.

А ночь измен, о Надира, — как небосвод,
открывший звезды:
Покров с моих сердечных ран жестоко сорвала
разлука.

* * *

Разлукой с любимым другом меня покарало небо,
С сокрытых мучений сердца смело покрывало небо.

Текут мои слезы-звезды, и очи мои тускнеют, —
Красою дев луноликих срамить меня стало небо.

Ушел мой друг луноликий, и солнце мое
затмилось, —
В разлуке истечь слезами велит мне опала неба.

Была я вольна на диво, всё делала с твердой
волей, —
Увы, в разлуке с любимым всю волю отняло небо.

А прах под моей стопою был тверже всех кряжей
горя,
Но смяло меня жестоко и в прах растоптало небо.

Цветущий сад отрешенья мне был и жильем и
кровом,
Дарило мне прежде розы — теперь дарит жала
небо.

Лишая счастья и воли, гнетя обманом и ложью,
О, сколько отважных сердцем на смерть обрекало
небо!

О Надира, ты блага не жди от небес жестоких, —
Всех славных гнетет бесславьем и мучит немало
небо.

* * *

О стройный кипарис, о чем твоя мечта?
Душа тобой горит, жизнь без тебя пуста.

Молитвы возношу, молю тебе добра —
Пускай твоя вовек сияет красота.

Луноподобный лик! С ним солнце спор ведет,
Но, верно, на закат уходит неспроста!

Отшельникам нужны Ковсер и Сельсебиль,
А мне — лишь влажный блеск сверкающего рта.

Когда еще не знал ты вязи черных строк,
Предрек тебе Коран счастливые лета.

О нищий весельчак, твой кубок — черепки,
Но кубок Джама им — размером не чета.

Все, кто в тебя влюблен, печалью сражены,
А для тебя ничто — их боль-кручина та.

О сердце, ты тоской навек сокрушено:
Вся сила от тебя разлукой отнята.

Ты столько, Надира, твердишь про боль любви,
Что знают все теперь, как боль твоя люта.

* * *

О судьба, ты меня в жертву мук превратила,
И в забаву в когтях у разлук превратила.

Стрелы стонов моих к дальним звездам взлетают,
Ты для этих вот стрел стан мой в лук превратила.

Справедливой судьбы ты не ведало, сердце,
И роптанья соблазн в мой недуг превратило.

Луки — брови его, словно стрелы — ресницы,
В муку сердца любовь всё вокруг превратила.

Ты насупил чело — зерна родинок скрылись,
В серый пепел мой лик горе вдруг превратило.

Но свиданье прошло, и настала разлука
И цветенье весны в темень вьюг превратила.

Сердца стон Надира затаила глубоко,
В боль и муку души этот звук превратила.

* * *

О властелин! Всё, что имею, всё, чем богата,—
дар тебе.

Да что там! Я и жизнью всею и всем, что свято,—
дар тебе.

Да я тебе, о совершенство, сто жизней в жертву
принесла б,—
Свиданий неги и блаженство, разлук расплата —
дар тебе.

А ты на стон рыданий жгучих, увы, ни разу
не взглянул,—
Все самоцветы слез горячих — всё, без возврата —
дар тебе.

Приди хоть раз, меня жалея, улыбкой ясной
одари,—
За это всё, чем я владею,— богатство, злато —
дар тебе.

Когда мне ветерок, бывало, весть о свиданье
приносил,
Да разве любящей бывала тяжка отплата —
дар тебе!

Вся красота в саду весеннем, вся зелень
животворных кущ,
Весь вешний сад мой, где цветеньем вся сень
объята, — дар тебе.
Я для тебя всю жизнь поручу — о, не отвергни
Надиру, —
Приди — тебе отдам я душу: моя утрата —
дар тебе!

* * *

Пришла пора цветенья роз. Опора сердца, где ж ты,
друг?
Где сладкоустый мой кумир? Увы, ушел и
скрылся вдруг.
Да, в этом мире все — своих лишь прихотей ловцы.
А мне что делать? Сокол мой вспорхнул и улетел
из рук.
Нет, мне безумье не грозит, и что мне свет далеких
звезд?
Свеча разлуки светит мне, и всё тоской горит
вокруг.
Прочна любовь моя к тебе, но сил не стало боль
терпеть:
Ища тебя, изнемогла я от страданий и от мук.
Моя мечта — тебя узреть, и образ твой —
передо мной,
Меня влечет краса твоя, но тщетен моих стонов
звук.

О, если б счастье помогло тебя увидеть хоть бы раз,
О, мне бы прах с твоих дорог прижать к очам —
сломить недуг!

Кому о горе мне сказать, и кто поможет мне
в беде, —
Узнать, что в сердце я таю, тебе, как видно,
недосуг.

О Надира, я речь свою вела велением любви,
Правдивы все мои слова о безысходности разлук!

* * *

В те дни, когда я без друзей, без их бесед одна,
Я в одиночестве своем печальна и грустна.

С любимым я разлучена, в моей лачуге мрак,
Мне вместо пищи — горечь слез, и желчь —
взамен вина.

Лишь он один был у меня среди мирских сует,
И от земных раздоров я была отрешена.

Что солнце мне и что луна, о грозный небосвод!
Над повелителем моим сошлась земля черна.

Чертог любви я возвела ценой таких трудов, —
Поток событий снес его, мой труд погиб сполна.

Зачем, друзья, твердить мне ложь, что будто бы
он жив?
Нет больше жизни и во мне — смотриге, как
бледна.

В разлуке с ним нет и следов того, чем я жила:
Жива я или же мертва — загадка та трудна.

И сколько б ни было богатств под властью рук
моих,

Без светоча моей души ничтожна и казна.

Шербет свиданья был в мечтах, а рок судил мне
яд,—

Моя жестокая судьба была предрешена!

Надежд не стало, Надира, и нет уж веры в мир:
Моя надежда — шах Дара ушел в обитель сна.

* * *

Ушел участливый мой друг, давно исчез он где-то,
В пустыне бедствий я ничьим участием не согрета.

Моих стенаний жгучий дым, вздымаясь, вьется
к небу,
И слезы, как Джейхун, текут — очам не видеть
света.

Стенаю я и день и ночь в мучениях разлуки,
Приди, о друг, на горький стон дождусь ли я
ответа?

Кто в мире мучится, как я, разлукою с любимым?
О друг мой, только о тебе мое стенанье это!

Приди, о сострадатель мой,— боль сердца я
открою,—
Не пишешь ты — и стыну я, как будто льдом одета.

От мук и бед сторела я — от смерти нет спасенья:
Гнетут страданиями меня, увы, зима и лето.

Гнет неба, Надира, суров — тебя палит он жаром,
И всё во мне горит огнем, и нет во тьме просвета!

* * *

Свиданья с другом светлый миг едва на память
мне придет,
Мой жаркий стон и горький крик крушат и рушат
небосвод.

И хоть сама я боль терплю, в разлуке мукою
томясь,
Утешу я и укреплю бездольных в доле их невзгод.
Моих стенаний жгуча страсть — сотрет хребты
в песок пустынь, —
Меджнун, в пустыне мук влачась, всю мощь
Фархада переймет.

И хоть горят — клеймо к клейму — в моей душе
соцветья ран,
Я властелину моему — любви и верности оплот.

Хоть я всегда терплю, молчу, все бедствия разлук
снося,
Но, вспомнив лик твой, я кричу, и тяжек стонов
моих гнет.

Красу прекрасных чар твоих я так рисую кровью
слез,
Как будто пух ресниц моих Бехзад взамен кистей
берет.

С Фархадом и Меджнуном ты в любви сравнилась,
Надира, —
Сказаньем жгучей красоты ты восхищаешь весь
народ!

* * *

Едва твой лик в ночи разлук я вспомню
на мгновение,
Я запою, как соловей, грустящий в ночь осеннюю.
Едва увижу я во сне чело твое прекрасное —
Вся боль уйдет, и сердце вновь стучит всё
вдохновеннее.

Едва я вспомню образ твой — томлюсь я горькой
думою,
Рисуя лик твой, как Бехзад, на свитках сотворения.
Я жарким стоном небеса ввергаю в бездну
пламени:
Гнетущий рок и я гнету — он, что ни миг,
смирненное.

В печальном сердце от любви несметны раны
тайные,
А звезды — словно четки мне, — я им веду
счисление.

Ты укрепляешь, Надира, чертог любви и верности
И на стезе своей любви исполнишь все веления!

* * *

Твой стан-кипарис я вспомню — и горе меня
крушит:
От стонов моих и вздохов расколот мой
стан-самшит.

В груди — ураган стенаний, рыданий страшен
потоп:
Судьбы моей дом разрушен, и камень под ним
размыт.

Кумир мой, тебя б увидеть, увидеть твою красу, —
Меня твой волшебный образ влечет и к себе
манит.

В силках моей страсти бьется, как пойманная,
душа:
Жестоки ее страданья, мучительна боль обид.

От вечера до рассвета, пугая твоих собак,
Стонала я и стенала и плакала я навзрыд.

Кудрей твоих выются кольца, и чудится будто мне:
Арки ловца-зееролора на шее моей навит.

С тобой кипарис сраженю я — он станет твоим
служкой:

Не пленником в гуще сада, а участью горд стоит.

Я в буквах ищу сравнений: как «пуны» — дуги
бровей,
Как «сад» у очей-нарциссов миндальный изгиб
орбит.

О Надира, неприступна гора любви — Бесутун,
И я, как Фархад, упорно страданий крушу гранит.

* * *

Увижу кудри я твои — и сникну, смущена,
смятенна,

А лукам выгнутых бровей я стану жертвою
мгновенно.

Душистым локоном твоим и гребнем быть я
не осмелюсь, —

Я им, изранена душой, служу коленопреклоненно.

О горе мне! Огонь разлук мне сердце в жидкость
переплавил.
Зеркальной чистоте чела я изумляюсь неизменно.
Узрев меня, и лютый враг меня, наверно,
пожалует,—
Столь тяжек гнет моих разлук — оковы горестного
плена.

Огнем ли ты меня спалишь или в пучину вод
низвергнешь,
Покорна воле я твоей — моя любовь к тебе
смирена.

О, будь же милостив, молю, влачась перед тобой
во прахе,—
Дай мне с полы твоих одежд хотя бы долю пыли
тленной!

Когда твой светоч-лик вдали, темно в моем
печальном сердце,—
В огне разлук я, Надира, дотла сгораю ежедневно.

* * *

Где же друг мой желанный — увидеть бы во сне,
Сахар уст безобманный увидеть бы во сне!

Не очнуться от горя — столь печален мой рок.
Где же мой сребростанный — увидеть бы во сне.

Сколь светла была радость, но блаженство
прошло,—
Явь красоты, мне мечтанной, увидеть бы во сне.

Где твой лик розоцветный, томно-трепетный
взгляд,—
Взор, весной осиянный, увидеть бы во сне.

Тяжкой мукой разлуки вся изранена грудь,—
Взгляд красы несказанной увидеть бы во сне.

О, как жду я свиданья,— жизнь исходит из уст,—
Смерти знак долгожданный увидеть бы во сне.

Надира, неустанен соловьиный твой стон,—
Образ розы румяной увидеть бы во сне!

* * *

Покинул сердце жар души, душа покинута
любым,
Страдаю в бедствиях душой и сердцем, без души
томым.

О, я миную сто пустынь, скитаюсь, словно смерч
бездомный,
Стремясь к свиданью, я пройду по всем мирам
необозримым.

О ветер, мчись же вдаль скорей, неси на легких
крыльях вести
Мне — о любимом, а ему — о сердце, мукой
одержимом.

Но если пленникам разлук вовек не суждено
свиданья,
Что благо вечной жизни мне и что мне жизнь
в краю родимом!

В разлуке кровью мук истечь — мне от любимого
награда,—
Не разлучай же, рок, меня с моим страданьем
нестерпимым.

Тяжка разлука, друг суров, но если счастье
суждено мне,
Пусть даже безысходный стон из жарких уст
исходит дымом.

Ты одинока, Надира, — где кипарис твой
розоликий?
Все сердце кровью облилось в томлении
неутолимом.

* * *

Увы, круговорот времен разлуку шлет с моим
джигитом, —
О сердце, как печальна я в моем рыданье
неизлитом!

В долине горестной любви по ветру в пыль мой
прах развеяи, —
В песках, ища целебный прах, Меджнун блуждает
следопытом.

Багряной кровью слезы лью, в лице — мертвящий
цвет шафрана,
Где осень, где весна моя — иди, попробуй, различи
там!

Разрушен дом моей любви, приют бывших
восторгов сломан, —
Как мне найти теперь покой в моем пристанище
разбитом?

Пески пустыни обойдя, я не нашла родного следа, —
О ветер, дай о милом весть — я жизнь вручу
могильным плитам.

Когда любимый вдалеке, мне край мой и друзья —
чужие,
Я без него в родном краю одна терзаюсь
пережитым.

То, задыхаясь, ворот рву, то кровь в стенаниях
глотаю:
Что стало с сердцем, Надира, сплошными ранами
покрытым?

* * *

Вина ты выпьешь — цвет лица подобен розам
рдяным,
И кровью рдеют все сердца, словно вином
багряным.

Твоя немилость — тяжкий гнет для гордых и
надменных,
А нищий от твоих щедрот становится султаном.

Губительным мечам под стать ресницами ты
ранишь,
Под силу мертвых воскрешать твоим устам
медвяным.

Румяным ликом заблести — и запылают розы,
Дано нарциссами цвести твоим очам сурмяным.

А мускус локонов твоих — всех благовоний
лучше,
А от твоих очей хмельных все — словно в хмеле
пьяном.

Кто, Надира, как ты, влюблен, да не сомкнет он
очи:
Где есть любовь, там тишь и сон становятся
обманом!

Твои уста — живой родник, и речь твоя живит, —
Словно душа в душе — твой лик: и явен он и
скрыт.

Как кудри, темен мрак ночной, сокрывший кущи
роз,
Очей-нарциссов взор хмельной, как крепкий хмель,
пьянит.

А звезды — звезды ли они? Нет, в полуночной
тьме
То — стона моего огни, взлетевшие в зенит.

Покров души сверкнул, как ртуть, от лика твоего,
Как будто в небе Млечный Путь в лучах луны
блестит.

В дурмане, кравчий, я хмельном, судьба меня
гнетет, —
Налей, спаси меня вином от горя и обид.

Ты — солнце, я — немая тень в ночи моих
скорбей, —
От кар небесных твоя сень меня да охранит!

* * *

Едва расстанется со мной кумир мой сребротелый,
Мерцает ртутной белизной мой дух заледенелый.

О ветерок, ты по весне — гонец для всех
влюбленных, —
Поведай другу обо мне, совсем осиротелой.

Как тяжела моя страда, едва писать я стану,
Страшнее Страшного суда мой стон оцепенелый.

Едва я вспомню облик твой — твой стан, уста и
кудри,
Терзаюсь этой красотой я в скорби онемелой.

О, сколько я терпела мук в лихне дни разлуки!
А в дни свиданий страх разлук — страшнее, что
ни делай!

Как сердце тайну сохранит любви моей печальной,
Когда потоком слез омыт весь лик мой
пожелтелый!

О Надира, твоя краса — в испарине смущенья,—
Так каплями блестит роса на розе запотелой.

* * *

Мой солнцеликий заблестит — душа горит огнем,
И дымом стонов вмиг закрыт весь звездный окоем.

Мой путь в любви тяжел и крут в пустынях и
горах,—
Фархад с Меджнуном не пройдут тех гор-пустынь
вдвоем.

Дай, лекарь, мне самшита лист — мне боль бы
излечить:
Забыл меня мой кипарис, и я грущу о нем.

Что гордость мне, самшит, твоя, хоть ты багрян
в цвету,—
Грущу о кипарисе я — возлюбленном моем.

Моим очам — как волшебство прах из-под милых
ног,—
Я пристыжу и тех, кого мы зрячими зовем.

А пряный дух твоих кудрей — что мускус и амбра,
Течет он, всех щедрот добрей, живительным
ручьем.

О рок, сними с меня свой груз — не мучь и
не томи,—
Ведь даже из сладчайших уст, увы, мы горечь
пьем.

Мой луноликий не со мной, и стон мой —
что огонь,
И льет он ливень звезд сплошной в пылании своем.
Тебе, о кравчий, не дано утешить Надиру,—
В разлуке с другом и вино не тешит забытьем.

* * *

Сердцем я написала, как разлука горька:
Капли слез — вместо точек, кровью вьется строка.

Рвет десница разлуки в клочья платье на мне:
Где подол и где ворот — не узнаешь куска.

Околдовано страстью, стонет сердце мое,
Утром ночи бессонной рвет мой ворот рука.

Ты поведай, о ветер, про страданья мои:
Ведь любимый не знает, как любовь велика.

Не спасется избранник от стенаний моих:
Небо всё запылало — искра стонов жарка.

Только скрылся от взора повелитель души —
Очи света лишились, жизнь лишь тлеет слегка.

Свижусь с ним — и от счастья засияют глаза,—
Так челом он прекрасен, так улыбка ярка!

Но мой взор изменил мне: одинока душа,
Мне разлука с любимым суждена на века...

Повеление миром — под печатью моей,
Но в велениях чувства сердцу петля узка.

Если ветер не выдаст тайну чувств Надиры,
Мой кумир не узнает, как разлука горька.

* * *

Собою тот не дорожит, кто любит с жарким
пылом:
Не смерть влюбленного страшит — разлука
с другом милым.

Дружна со мною доля бед,— ах, это что за дружба!
Увы, отдохновенья нет кончающимся силам.

О кравчий, горек мой удел в мученье
безысходном,—
Дай мне вина — лишь в нем предел всем мукам
опостылым.

О боже, пощади меня! Что делать мне с судьбою?
Терзаюсь я, свой рок кляня, в страдании унылом.

Каких мне мук судьба не шлет безжалостной
десницей:
Бессчетны бедствия невзгод, и сердце стало хилым.
Друзья, услышите мой стон — меня и не ищите:
Мой прах развеян, разнесен вихрем бед
стокрылым.

Тяжка, творец, моя пора: как мне снести разлуку,—
Нет в сердце сил, о Надира, от мук совсем
остылом!

* * *

Во сне свидание с тобой возможно ли узреть?
Подобный солнцу облик твой возможно ли узреть?

Затянут слезной пеленой мой истомленный
взор,—
На лунном лике мушек рой возможно ли узреть?

Свиданья светоч неземной не меркнет лишь в раю,
А свет с немеркнувшей красой возможно ли узреть?

Кровавой плачу я слезой, тоскуя по тебе,—
Твой алый лик, любимый мной, возможно ли
узреть?

Как горько мне грустить одной вдали от милых
уст,—
О, где же сладкоустый мой,— возможно ли узреть?

Пал на лучистый образ твой свет родинки-звезды,—
Твой лик, что озарен звездой, возможно ли узреть?

Томится Надира мечтой — виденьем чистых уст,—
О, тот родник воды живой возможно ли узреть?

* * *

Нет, пирует не со мною мой прекрасный каждой
ночью,
Обо мне рыдают свечи в муке страстной каждой
ночью.

Жертв приводят на закланье только в праздник
новолунья,
Я ж бываю жертвой жалкой и безгласной каждой
ночью!

Не со мною ты пируешь, и меня терзает ревность —
Мне огнем сжигает душу жар ужасный каждой
ночью.

Светлой вестью о свиданье поутру обрадуй
сердце, —
Как твой локон, виться в муке мне, несчастной,
каждой ночью.

И хоть ты порвал разлукой нить связующей нас
дружбы,
Благо, я всем сердцем помню лик твой ясный
каждой ночью.

Ты пируешь и ликуешь, теша душу винным хмелем,
Я же возношу, рыдая, стон стогласный каждой
ночью.

Ты не ведаешь, не знаешь о моих лихих
страданиях —
Как гублю себя я мукой ежечасной каждой
ночью.

Надире, увы, не ведать хмеля уст твоих румяных, —
Льется слез моих кровавых дождь злосчастный
каждой ночью.

* * *

Покуда сердце в путах кос притихло онемело,
Как будто гребнем — до заноз — скребут мне
муки тело.

И диво ли, что светел взгляд, а очи — словно
блестки,
Когда, искрясь, лучи горят — светило заалело.

В горах и долах — сонмы смут от моего безумья, —
Фархад с Меджнуном не дойдут до этого предела!

Ты жемчугами не зови моих рыданий слезы, —
То в море от дождя любви жемчужина созрела.

Мой стон бесхитростен и прост — ему не быть
на небе, —
Вознестся пыли к высям звезд — еозможное ли
дело!

Тбой стон, о Надира, затих, и в сердце — горечь
муки, —
Ты сласть рубинов-уст хмельных изведать
не сумела!

* * *

Разлука — только лишь одна из всех моих
невзгод, поверьте,
В долине мук осуждена терпеть я боль и гнет,
поверьте.

Из тех, кто ладен и красив, никто меня
не пожалеет,
Никто, про боль мою спросив, с участием
не придет, поверьте.

Томился по Ширин Фархад и не сумел снести
мучений,
А ведь поныне все стыдят любви его исход,
поверьте.

А если вы милы на вид — приятны и челом и
взором,
Вас не стыдит и не корит и самый черный сброд,
поверьте.

Мудрец из мудрых, не стремись понять людей,
высоких сердцем, —
Орлиная дана им высь, высок у них полет,
поверьте.

Хоть был в любви мой пыл горяч, мне не хватало
дерзновенья, —
Удачливые! Мне удач любовь не принесет,
поверьте.

Молись, о Надира, взгляни: сегодня ты над миром
властна,
А нищенской недоли дни влачить — другим черед,
поверьте.

* * *

Душу в теле, как Мессия, оживит он сладким
словом,
Сердцу в пиршества ночные свет он льет челом
пунцовым.

Жаркий стон мой в разлученье одержим стократ
безумьем, —
Мертвых, словно в Судный день, я пробуждаю
страстным зовом.

Сжальтесь же, больную душу пожалейте,
о собратья, —
Дом души рыданьем рушу я в терзании суровом.
Мне в смятении светиться любо отблеском
зеркальным:
По ночам павлин мне снится — что ни ночь,
в сиянье новом.

Чудо-речь твоя обильна радостью животворящей:
Воскрешать сердца посильно лишь устам твоим
медовым.

Любо тебе было скрыться от людских всезрячих
взоров:
Тайна уст твоих таится под таинственным
покровом.

Что ж стенать в жестокой муке, реки слез струя
потопом,—
Нужно в бедствиях разлуки быть к терпению
готовым.

Если в блеске небывалом лик твой дивный
воссияет,
Станет Надира зеркалом вопреки своим оковам.

* * *

Мук, каких бы я в разлуке не познала, не осталось,
Пожалей меня за муки — сил нимало не осталось.

Чуть жива я — еле-еле, слезы к горлу
подступают,
И души, давно уж в теле сникшей вяло,
не осталось.

Сердце и душа пропали — от кровавых ран
сгорели,
Даже слез, что я в печали изрыдала, не осталось.

О кудрях твоих мечтанья нить души свивают
в узел,
И терпеть мои страданья сил не стало —
не осталось.

Пусть меня гнетут сурово безысходные мученья,
Если радостям ни крова, ни причала не осталось.

Лик твой вспомню — что за жалость позабыть
о райских кущах,—
Ничего, о чем мечталось мне, бывало, не осталось.

Кравчий, дай забыться в хмеле — кубок радости
подай мне,—
Дни мои прошли без цели — их и мало
не осталось.

Надира, ты озарила сердце думою о друге,
И желанья, чтоб светило в небе встало,
не осталось.

* * *

Что случилось? Где прекрасный мой? Доселе
он нейдет!

Уж все пришли, кто в ратном был с ним деле,—
он нейдет.

Ах, ярче утра светлых встреч был луноликий мой!
Стал мрак, где светоча лучи мне рдели,—
он нейдет.

Нет, мне тех встреч не возвратить,— душа горит
огнем,

И не текут живящих слез капли: он нейдет.

Надежд зеленые ростки не распустили роз,
Настал Новруз, но дни весны не грели: он нейдет.

Что если огненной тоской спалило целый мир:
Где все сторело, как мне жить — в огне ли?—
он нейдет.

Властитель мой покинул мир, тебе же, Надира,
Рыдать о горестном твоём уделе: он нейдет!

* * *

Мой любимый в муках страсти жить меня обрек,
увы,
Жребий мук своею властью даровал мне рок, увы.

Стон мой полыханьем ярим опалает небеса,
Соловей любви пожаром сердце мне зажег, увы.

Как Лейли, лукавством юным луноликий мой
красив,
Я ж в пустыне бед Меджнуном мчусь, сбиваясь
с ног, увы.

Сам и радостный и ладный, луноликий мой кумир
На меня не свет отрадный, а беду навлек, увы.

О творец, сносить напасти, все терпеть уж нет и
сил,—
Почему в сердечной страсти мой удел жесток, увы!

Надира в беде всечасной — ей с возлюбленным
не быть,
Гнет любви моей злосчастной и суров и строг, увы.

* * *

О гнет разлук! Весь мир зальет горячих слез моих
разлив,
Единой каплей бурных вод все реки и моря залив.

Раздоры, ссоры и грызня вовек влюбленным
не нужны.
Безумье! Упаси меня от тех, кто вздорен и
строптив.

Я мук разлуки не снесу — мое безумье видят все, —
Увижу я твою красу — и ты увидишь мой надрыв.
Не видя лик твой неземной, терплю я горький мой
позор, —
Молю: о, сжался надо мной, от мук к блаженству
путь открыв.

Вовек не ведал род людской покоя в бедствиях
любви,
И если люб тебе покой, смири, отшельник,
свой порыв.

Да почернеет облик твой, о небо, — сколь
жестоко ты!
Глумишься ты над Надирой, ее с любимым
разлучив.

* * *

Милый друг придет ли, жду я — о, молю: скорей
приди,
Пред тобой стократ паду я жертвою твоей, —
приди.

Сердце мне печали ранят, если друг мой далеко,
А придет — и сразу станет сердцу веселей, —
приди.

Ни на миг не стихнуть ранам: лишь о нем моя
мечта,
Видно, быть в душе султаном той мечте моей, —
приди.

Светоч мой! Душа томится, места я не нахожу,—
Мне пылинкой бы кружиться средь твоих лучей,—
приди.

Быть с тобой мечту лелею, лунный лик твой —
праздник мне,—
Мне бы жертвой быть твоею — заколи, убей,
приди!

Я в степях безумья маюсь — словно пыльный
смерч, кружусь,
Я тебя ищу, скитаясь среди гор-степей,— приди.

По ночам, души не чуя, о тебе мечтаю я,
По утрам в сады лечу я, словно суховей,— приди.

О, приди, красой сверкая в цветнике моих очей,
Стан твой стройный вспоминая, я не сплю ночей,—
приди.

Всадник мой, за что все муки? Разорен чертог
любви,
Надира с тобой в разлуке — пленница скорбей,—
приди!

* * *

Кипарис мой тонкостанный, я тобой восхищена,
В мыслях, в думе безустанной я тобой восхищена.

Сколь печальна в ночь разлуки моя темная
судьба,—
Лик яви свой осиянный,— я тобой восхищена.

Я, увы, дружна с разлукой, а мечтаю быть
с тобой,—
Вместе, врозь ли мы, желанный,— я тобой
восхищена.

Ясный лик твой — светоч солнца, брови —
серпик луны, —
О, приди, мой долгожданный, — я тобой
восхищена.

Мается в силках неволи птица сердца моего,
Манишь ты красой приманной, — я тобой
восхищена.

Тщетно все, твой взор олений мне вовек
не приручить.
Жаждой воли обуянный! Я тобой восхищена.

Люб очам твой лик румяный, чудо-родинки
черны, —
Красотою первозданной — я тобой восхищена.

Голубь, вестник мой крылатый, от любимого
письмо
Ты несешь мне в миг неожиданный, — я тобой
восхищена.

Розоликий, молви слово, расспроси о Надире
Речью, мне в награду данной, — я тобой
восхищена!

* * *

Жизнь мою возьми во благо, мой кумир, —
ну что ж — умру,
Будешь нежным — жертвой лягу, а корить
начнешь — умру.

Всех сожжет твой лик палящий, а уста —
всех оживят,
Пусть уста животворящи, солнце жжет — я все ж
умру!

Светоч жизни беспредельной мне — шербет
живящих уст, —
Кравчий, если мне, похмельной, ты вина
напьешь — умру.

Влагой уст ты жить мне прочишь, я ж готова
жертвой пасть,
А когда убить захочешь — сразу уничтожь, — умру.

Ты устами так и манишь сердце выведать твой
нрав, —
Если ж ты хоть раз обманешь, если скажешь
ложь — умру.

Нет, не ведать птице лёта — смертной мукой сжала
сеть, —
Пощади, порви тенета, мук моих не множь —
умру!

Твой порог — сама святыня всем — и знатым и
простым, —
Если ж перед ним ты ныне, Надира, падешь —
умру!

* * *

Как отыскать мне, не пойму, хвалу достоинствам
твоим, —
Доступно это лишь тому, кто совершенством
равен им!

Ты в мире даришь радость всем своим
божественным умом,
И вот ведь диво: ты ни с кем богатством мысли
несравним!

О солнечном твоём челе вовек мечтать не может
тот,
Кто робкой тенью на земле лежит во прахе,
недвижим.

Твоей весною вдохновен, любой отраду обретет:
Он, и познав осенний тлен, сумеет снова стать
живым!

Стезя служения тебе во благо небом мне дана,
И благодарна я судьбе — не смолкнуть похвалам
моим.

Властитель мира! Как раба, тебе подвластна
Надира:
Твой славный путь — её судьба, — как
не склониться перед ним!

МУХАММАСЫ

МУХАММАС НА ГАЗЕЛЬ НАВОИ

По тебе томясь и маясь, я влачусь в пустынном
доле,
Прах свой к небесам взвивая, смерчем вьюсь
я в диком поле.
Ты едва уйдешь — мне душу муки страсти
побороли!
Сердце и душа — с тобою, я ж — у бед моих
в неволе,
Я тебе вручаю сердце, а тебя — господней воле.

Как прощалась я с тобою — пламя мук меня
палило,
Туча стонов моих жгучих небеса совсем закрыла.
Темен мир от этих стонов — все вокруг черно,
уныло,
Закатилось, видно, в темень счастья моего
светило, —
По ночам от ран разлуки тело ноет в жгучей боли.

А найти тебя не просто — ты проходишь стороною.
О, как я томлюсь в разлуке! Молвил слово бы
со мною!
Лишь вином я утешаюсь — тешусь чашею
хмельною,
Мне бы сердце успокоить хоть бы раз — любой
ценою, —
Все стерплю я, чтобы жала мое сердце не кололи!
Что влюбленному укоры — злых соперников
упреки!
Злые речи бесполезны, как ни злы и ни жестоки.
Время, Надира, пришло снять с главы венец
высокий.
Навои в огне безумья сжечь себя приспели сроки,
И грозит набег безумья черным мраком смертной
доли!

* * *

Посети меня, стон мой, в подмогу печали моей,
Ты приют моих бедствий сжигающим ветром
развей, —
Мне не робко бы плакать, а в муке стенать все
сильней!
О, доколе в разлуке рыдать мне одной,
без вестей, —
Мне терпенью б учиться в нелегкой кручине своей!
Если весть о любимом ты мне принесешь и ответ,
Если другу расскажешь про долгую ночь моих бед,
Если с доброй молитвой ему передашь ты привет,
Если скажешь ему ты, как верно держу я обет, —
Полетай, птица сердца, на волю из тесных сетей!

Горький путь моей муки к далекой святыне
пролег,
А в пути пропитанье — лишь слезы кровавые пей!

Где же чаша свиданья, где пиршество прежних
щедрот?
Как жестоко с тобою меня разлучил небосвод!
Я в лохмотьях безумья — во власти кровавых
невзгод,
Пламя бедствий разлуки меня опалает и жжет, —
Где же силы найти мне, как быть мне опорой
твоей?

О, как трудно без друга страданья разлук
претерпеть,
Ожидая свиданья, беду тяжких мук претерпеть!
Как же стонов-стенаний моих горький звук
претерпеть,
Как средь гор моих бедствий мне смертный недуг
претерпеть?
Как Фархад быть бы верным, да только попробуй.
сумей!

Увидать бы мне друга — хотя бы во сне,
только раз, —
Знал бы он, как я мучусь в рыданиях и столах
сейчас!
Да прочтут все страдальцы в слезах, Надира,
твой рассказ,
В свиток неба впишу я мой горестный стих без
прикрас, —
Как Мани да Бехзад, напишу повесть этих
скорбей!

С кипарисом моим стройным я разлучена разлукой,
От очей его миндальных я отрешена разлукой,
Без любимого жестоко я сокрушена разлукой,
От заботливого друга я отдалена разлукой,
Сиро мучиться в скитаньях мне судьба дана
разлукой.

Мыкаться в долине скорби суждено мне злым
роком,
В разлучении с любимым я горю в огне жестоком.
За стенания и стоны стала жертвой я попрекам,
От любимого мне кара — биться в горе одиноком, —
Без любимого томиться я обречена разлукой.

Как не рвать мне тесный ворот, если я в разлуке
с милым,
Как не лить мне слез несчастья, стоном не стенать
унылым?
Если мне о нем не думать — в чем найти опору
силам,
Как не ждать свиданья с другом — не пылать
сердечным пылом,
Если встреч со светлооком зло я лишена разлукой!

О, какое было время, когда был со мной любимый!
День и ночь была я рада благодати, мне даримой,
Доверял он мне все тайны, верностью в любви
хранимый,
Прелесть уст его жгла душу сладостью
неизъяснимой, —
Сладкоустый не со мною — я угнетена разлукой.
Ах, ушел мой друг любимый, только боль
разлук — со мною,

Не ценила радость встреч я, доля бед и мук —
со мною,
Лишь молитва о любимом, словно верный друг, —
со мною,
Днем и ночью мысль о друге, тяжкий мой недуг —
со мною,
Участь мучиться без друга мне наречена разлукой.

А ведь обещал любимый, что изменой не изранит,
Что обета не нарушит, что ни словом не обманет,
Что, пока он жив, вовеки верным быть не
перестанет!
Надира, ушел любимый, и печаль твой ум
туманит, —
Ты отторгнута жестоко от того лгуна разлукой!

МУСАММАНЫ

* * *

О, горе! Гнет любви меня страдать обрек:
Душа и плоть слабы, огонь мне сердце сжег.
В пустыне, как Меджнун, брожу я без дорог —
Я волею небес бреду, не чуя ног.
Джейхуном из очей струится слез поток.
Что ж, миру быть таким его творец предрек!
Ко мне писец судьбы был грозен и жесток,
Всю чашу дней моих разбил суровый рок.

Любимый далеко, а я одна, увы,
Я гибну — доля мук мне суждена, увы.
Я участью разлук сокрушена, увы,
Страданиями измен я сожжена, увы,
Скитаться мне дано, не зная сна, увы,—
Сколь горестная мне судьба дана, увы!
Ко мне писец судьбы был грозен и жесток,
Всю чашу дней моих разбил суровый рок.

Тебя лишь вспомню я, любимый,— что ни миг
От мук мне не сдержать моих стенаний крик.

В больную душу мне смертельный гнет проник,
Рыдать, кляня злой рок, — вот доля горемык!
Ко мне писец судьбы был грозен и жесток,
Всю чашу дней моих разбил суровый рок.

Людей силками бед неволит небосвод:
Немилосердно он всех мукою гнетет.
И мне, печальной, он послал ярмо невзгод:
Он даже и в любви, увы, позор мне шлет.
Доколе ж мне страдать, терпеть жестокий гнет?
Мне в степь небытия уйти — один исход!
Писец судьбы ко мне был грозен и жесток,
Всю чашу дней моих разбил суровый рок.

Забудь весну, увянь, о сад печальный мой,
Погасни же, мой взор, излейся слез рекой!
О сердце, позабуди надежду и покой,
О разум мой, стерпи позор молвы людской,
Бреди в безвестный дол с безумною тоской.
Утешься, Надира, и сердце успокой, —
Писец судьбы ко мне был грозен и жесток,
Всю чашу дней моих разбил суровый рок.

* * *

С любимым я, о грозный рок, разлучена твоей
десницей,
И доля безысходных слез мне суждена твоей
десницей,
Чертог надежд моих и сил разбит сполна твоей
десницей,
Обитель скорбная моя разорена твоей десницей,
Я жить в юдоли тяжких мук обречена твоей
десницей,

От всех утех веселых я отрешена твоей десницей.
Стенаю я, о небосвод, сокрушена твоей десницей,
И друга, поправа во прах, я лишена твоей
десницей.

И диво ль, что мой горький стон до высей неба
встал стеною?
И как от горя не стенать, когда любимый не
со мною?
И сердце, о жестокий рок, все стало раною
сплошную,
Судьба не радует меня, увы, надеждой ни одною!
Неверный мир, увы, меня не тешит радостью
земною,
Безумна я,— где милый друг, какой прошел он
стороною?
Стенаю я, о небосвод, сокрушена твоей десницей,
И друга, поправа во прах, я лишена твоей
десницей.

Мой луноликий далеко, и дней уже прошло
немало,
Как без него среди друзей отрады для души
не стало.
От бед и ран моей любви, увы, поникла я устало.
Где кипарис мой? Дни весны пришли, и розы
рдеют ало...
Горит весь мир в огне разлук, и нет мне радости
нимало,
И песнь моя от мук и бед, увы, надолго замолчала.
Стенаю я, о небосвод, сокрушена твоей десницей,
И друга, поправа во прах, я лишена твоей
десницей.

Все тело в прах превращено, душа затихла и
остыла,
И сокол сердца присмирел — его силком невзгод
пленило,
И опустилось до земли небесной красоты светило,
Каменьями скорбей и мук сосуд души моей
разбило.
С тех пор как солнце-скакуна небесная взнузда
сила,
Она всем любящим терпеть напастей тяжкий гнет
судила.
Стенаю я, о небосвод, сокрушена твоей десницей,
И друга, поправа во прах, я лишена твоей
десницей.

Что пользы соловьем стенать? Мне счастья нет
в садах вселенной,
Бутоны счастья моего не зацветут красой
нетленной.
Твоих печалей, Надира, не знает друг твой
несравненный.
Душа твоя хмельна от мук и сражена неволей
пленной, —
Как ни стеной — не внемлет рок, в извечном гнете
неизменный.
Стенаю я, о небосвод, сокрушена твоей десницей,
И друга, поправа во прах, я лишена твоей
десницей.

ТАРДЖИБАНД

В хвалу тебе пишу я этот стих,
Чернила мне — зрачки очей моих.
Скорбь о тебе смутила разум мой,
К безумцам путь мой — быть мне среди них.
Едва тебя увижу я во сне,
Терзает меня стон, жесток и лих.
Друзья мои — страдальцы горьких мук,
Хранима я обетом дружбы их.
Твои слова мне выше всех наград, —
О, как я жажду милостей твоих!
Но снизойдешь ли ты к моим мечтам?
Увы, я жду защиты от других.
Хотя бы в сновиденье мне явись, —
Лишь ты один всегда в мечтах моих!
Но от тебя, мой друг, не ждать мне зова, —
Сколь без тебя судьба моя сурова!

Блажен был день, когда, дружна с тобой.
Вкушала я блаженство и покой.
Мне честь была судьбою суждена —
Был избранным высокий жребий мой.

Как сокол на властительной руке,
Я видела добычу пред собой.
И день и ночь душа с тобой была,
Твой светлый образ был всегда со мной.
К твоим стопам смиренно преклоняясь,
Всею отличенным я была главой.
Была я рада пиршеству любви,
И звонок был моих напевов строй.
Твой лик, как роза, рдел, и соловьем
Я пела, видя дивный образ твой.
Но от тебя, мой друг, не ждать мне зова,—
Сколь без тебя судьба моя сурова!

К тебе, о погубитель, мой порыв,
Но мне не внемлешь ты, несправедлив.
О стройный мой! Я поправа тобой:
Жду смерти, душу пред тобой сложив.
В разлуке лью я реки горьких слез,—
Тебя не захлестнул бы их разлив!
Что жизнь, весь мир мне! Все тебе отдам,
Тебя моею жизнью одарив.
В долине скорби, верно, я умру,—
Мои останки там да сгложет гриф!
Сулит мне гибель войско мук и бед,—
О, защити, не будь, молю, гневлив!
Мечтая и томясь, тебя я жду,
Поток кровавых слез в тоске излив.
Но от тебя, мой друг, не ждать мне зова,—
Сколь без тебя судьба моя сурова!

Куда ушел, о ты, прекрасный мой?
Не тронет тебя стон безгласный мой.
Как я гордилась верностью твоей!
Стал тщетным зов горячий, страстный мой.
Увы, едва добычу увидав,

Взлетел и скрылся сокол ясный мой.
В когтях разлук я гибну без тебя, —
Кто ж вылечит недуг опасный мой?
Я по ночам мечтаю о тебе, —
Увы, жесток удел злосчастный мой.
Я предана тебе, а сил уж нет, —
Я все тебе отдам, всевластный мой.
Пылая, вся истаяла свеча, —
Гореть в огне — вот рок ужасный мой!
Но от тебя, мой друг, не ждать мне зора, —
Сколь без тебя судьба моя сурова!

О, если бы про боль моих тревог
Тебе мой пылкий стон поведать мог!
Куда ушел ты, где теперь твой кров?
Письмо туда я шлю из слезных строк.
Твой образ вечно жив в моей душе,
А повесть бед моих — сей горький слог.
О, сколько вероломный шлет мне мук!
Терпеть и ждать — велик ли будет срок?
Рассказ о горькой участи разлук —
Следы шагов моих усталых ног.
Утеха сердцу — только вы, друзья, —
Молюсь за тех, кто в горе мне помог.
О боже, просветли, молю, мой взор, —
В тебе — успокоения исток.
Но от тебя, мой друг, не ждать мне зова, —
Сколь без тебя судьба моя сурова!

ПЕСНЬ О РАЗЛУКЕ

О, как много бед и тягот в муку мне дала судьба!
Мне напастями разлуки стала тяжела судьба,
Без любимого наслала мук мне без числа судьба,
И печалью цвет пунцовый стерла мне с чела
судьба.

Вероломная, кому же верною была судьба?
Истерзала меня мукой, опалив дотла, судьба,
Всех влюбленных наделила долей бед и зла
судьба,

Соловьям и розам гибнуть злобно предрекла
судьба.

Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен
не будет —
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Я терплю, но муки страсти день и ночь томят
меня,
Я креплюсь, но пыл безумный повергает в ад
меня.

Плачу я, а люди судят — за любовь стыдят меня.
Нестерпима боль разлуки, мучит боль утрат меня,
Остры стрелы злого рока — жала бед язвят меня,
С милым другом я в разлуке, и гнетет разлад меня.
Сколько небо будет мучить день за днем подряд
меня?

Что Меджнун! Страдания страсти изведут стократ
меня!

Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен
не будет —

От того, кто краше жизни, роком отрешен
не будет!

Без любимого на сердце — темнота, темным-темна,
Даже свет дневного солнца затянула пелена.

Тонким месяцем от боли стала полная луна,
Я под тяжелой ношей горя стала станом согбена.

Славен час, когда с любимым я была, а не одна!

О скончанье мук разлуки и мечтать я не должна.

Было время, все прощалось мне — грех мой и вина,

А теперь ушел любимый, счастье отнято сполна.

Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен
не будет —

От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Сердце мечется: где друг мой, где же он, ушел
куда?

Из очей стекают слезы, словно за звездой звезда.

На твой стройный стан взглянуть бы хоть
украдкой, иногда!

Воля злых небес к влюбленным милосердия чужда,

От мучений ранам сердца — беспредельная страда,

Гнет терпеть нет в сердце силы — не осталось и
следа.

Как не плакать, если душу жжет жестокая беда, —

Видно, уж не ждать спасенья мне от бедствий
никогда!

Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен

не будет —

От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Не пришел меня проведать повелитель мой, увы,
Он не сжалился ни разу над моей бедой, увы,
А жила в душе надежда вновь найти покой, увы!
Камнесердого не тронул стон мой горевой, увы.
Так вот и Юсуф измучен не был Зулейхой, увы,
Так Вамык ушел из жизни, не побыв с Узрой, увы,
Но Ширин после Фархада уж не жить одной, увы,
Так как я, Меджнун страдал ли, разлучен

с Лейлой, увы!

Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен
не будет —
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Я томлюсь, страдая, — где ты, о владыка из
владык!

Я не сладкий хмель свиданья — кровь глотаю
каждый миг.

Стан мой был и прям и строен, а теперь совсем
поник.

Без тебя бескрайно горе, и печалей гнет велик.
Как газель, мой бедный разум без тебя пуглив и
дик.

Дружит с горестными горе — счастья нет
у горемык.

Пору радостных свиданий горестный удел постиг:
Видно, уж разлука крепко мой схватила воротник!
Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен
не будет —

От того, кто краше жизни, роком отрешен
не будет!

Плачу я в разлуке с другом, а его все нет как нет,
Мне не дан судьбой в подмогу счастья радостного
свет,

Путь к любимому найти мне не проложен верный
след.

Солнечной его красою взор, увы, мой не согрет,
Мое солнце — не со мною, не настал, увы,
рассвет, —

Где он светит дивным ликом? Не отыщешь и
примет!

Кто из живших в этом мире не изведал зла и бед,
Кто не ведал мук разлуки — разлученья долгих
лет!

Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен
не будет —
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

В те поры, когда любимым верности обет был дан,
Сладость уст его мне стала исцелением от ран.
Но нарушил свой обет он, было все — лишь ложь,
обман!

Пожалел, что клятве верен был, властитель мой —
султан.

Вместо счастья встреч — разлука, вместо сладких
грез — дурман.

Грудь моя от мук разлуки кровью рдеет,
как тюльпан,

Дух мой сокрушен печалью и тоскою обуян,

Я одна скитаюсь сиром, шах мой — путник дальних
стран.

Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен
не будет —

От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Ты ушел к иным пределам, гнет моих страданий
лют.

Об устах твоих мечтаю — хмель они мне в душу
льют.

Дни блаженства вспоминаю — где услад моих
приют?

Сан высок мой, и счастливой весь меня считает
люди,

А по мне, вдали от друга даже высший жребий
худ.

Я была горда тобою, в радости не знала смут,
Но померкнул блеск зеркала, сердца помутнел
сосуд.

Что ж корить меня за плач мой! Язвы ран меня
гнетут.

Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен
не будет —

От того, кто краше жизни, роком отрешен
не будет!

О певец, да будет лад твой Надиroy вдохновлен,
Да напомнит он влюбленным счастье радостных
времен!

Звук струны твоей да будет с нитями души
сплетен, —

Как влюбленному не плакать, ежели в разлуке он!
И каменья переплавит любящих надсадный стон:

Раны ноют — сердце стонет, — есть, поверь, такой
закон.

Небосвод во прах поляжет, этим стоном сокрушен.
Да не будет же влюбленный друга верного лишен!

Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен
не будет —

От того, кто краше жизни, роком отрешен
не будет!

ГАЗЕЛИ

* * *

Без тебя пылает сердце, сломлено бедой,—
Заступи стопою взор мой — взор смятенный мой.

Истомила мне всю душу дума о тебе,—
Чем душа моя виновна, в чем вина — открой.

Как в саду безумья розы рдеют, словно кровь,
Так и я, вся в ранах, мучусь скорбною душой.

Опалает мне все тело жар любви к тебе,—
Кровь с ресниц моих стекает струйкою рдяной.

Что Фархад с Меджнуном! Повесть горькой
их любви —
Строчка в повести о муках, пережитых мной!

В гордой выси неприступен мой любимый друг,—
Разве сможет он услышать стон мой горевой?

Макнуна! О милом друге и его красе
Рассказать сумеет только стих прекрасный твой.

Мой кубок там всегда с тобой, где твой пьянящий
взгляд,
Мне взор неизъяснимый твой — отрада из отрад.
Где светом звезд блестит краса, там радостен
весь мир,
Но встреч с тобою небеса, увы, мне не сулят.
Мне горечь мук и не изречь, — ты лучше, ветерок,
Поведай все тому, чья речь мне слаще всех услад.
Я — среди тех, кто в пыльный пласт пал у твоих
дверей, —
Мой зов тебе да передаст страж у заветных врат.
Что за урок мне подарит Вамык или Меджнун?
Все толки о любви затмит моя любовь стократ.
Хоть и в стране красы твой трон, ты властью
не кичись:
В державе страсти мой закон не ведает преград.
Любимый зол, в судьбе разлад, злосчастны
времена, —
Кого ж мои мольбы смягчат, чей разум вразумят?
И нет свершения мечтам, хоть душу разорви, —
Рок, злонамерен и упрям, бедой и злом чреват.
О Макнуна, презри же гнет безжалостной судьбы, —
Пусть кравчий рока в чашу льет кровавый хмель
утрат.

* * *

Вы сладкоустому, друзья, скажите мое слово —
Пусть улыбнется, стыну я, и умереть готова.

Да знает луноликий мой, друзья,— ему скажите:
Я сломлена крошечной тьмой и мраком зла
ночного.

О, если за любовь мою ему и гнева жалко,
Камнями кар меня, молю, побейте вы сурово.

Лишь вспомню я о нем в тиши — и вся душа
трепещет,
И мне не нужно ни души и никого другого.

Где кипарис — краса времен, полдневное светило?
Ужели мой напрасен стон — звук стонущего зова?

Я прах ловлю с его пути, где он, как солнце,
светит,
А он смеется — мол, пусти,— сколь это
бестолково!

О, если властелин жесток и глух к стенаньям
страсти,
Мне благо — лечь и на порог под сенью его крова.

О Макнуна, другой я стих сложить была бы рада,
Но мне не о скорбях моих не молвить и полслова!

* * *

Блажен свиданья день, но он пройдет,
И буйный хмель весны, как сон, пройдет.

Что богу любо, вовремя свершай,
Не то пора благих времен пройдет.

— 111 —

Будь терпелив — приспест светлый день,
А грустный день — таков закон — пройдет.

Любимый друг придет благую весть,
Печалью истомленный стон пройдет.

О рок, своим величием не гордись,—
Все, чем ты горд и в чем силен, пройдет.

Знай: немощны опоры бытия,
И все — так было испокон — пройдет.

Сей мир — зеркало, Макнуна, поверь,—
Все, что ни отражает он, пройдет!

* * *

Уж если сердцу дан любовный жар,
Оно хранит и в Судный день свой дар.

А если вас в любви гнетет обман,
Огонь обид — страшнее лютых кар.

От пыла, что у любящих в груди,
Сам рок горяч, хоть он согбен и стар.

Влюбленного любовь испепелит,
Но и в золе его сокрыт пожар!

Я кравчему скажу: «Безумна я,—
О, помоги — горяч хмельной угар!»

Свеча! Ты — верный знак моей любви:
Твой пламень на моей могиле яр.

У тех, кто, мучась, любит чаровниц,
Кровь горяча от их палящих чар.

Завесу с чувств, о Макнуна, сними, —
За ней — безумств пылающий базар.

* * *

Краса его — огонь, и сердцу — в нем сгорать,
Любовь моя — беда, в бой выведшая рать.

Печаль моя — потоп, а сердце в нем — пловец,
В пучину вод любви мне якорь мой кидать.

Таится в сердце боль, но ржав его замок, —
Кинжалом милый друг сорвет с него печать.

А если сердце сеть захочет расстелить,
Лишь солнце в небесах ему ловить под стать.

О, птицу сердца ты в неволю залучил, —
С тобою вровень ей вовеки не летать!

И пала Макнуна перед тобой во прах, —
Тот прах — ее венец, и в честь ей эта кладь.

* * *

Смиренье — благо благ, пыл сердца им согрет:
Сурьма, хоть и темна, очам дарует свет.

Лишь кроткому дана высокая судьба:
В державе красоты даров добрее нет.

Но часто кроткий муж темницей бед пленен, —
В неволе попугай: дар сладкоречья — вред!

Презри печаль, сияй зеркальной чистотой:
Где ляжет пыльный пласт, там вянет вешний цвет.

Порок гордыни, знай, тебя во прах сотрет:
Где спесь зажжет свой жар — там и беда вослед.

Любимый, речь твоя — услада из усад:
Прекраснее вина медвяных уст шербет.

Как солнце, верен будь скитальческой стезе:
По вечерам — закат, а по утрам — рассвет.

Грудь Макнуны горит в юдоли бед и мук,
Но светит ей твой взор, как в море самоцвет.

* * *

Как зеркало ясна, челом светла природа,
Но зло оскорблена и долей зла природа.

Известно, что стекло боится тверди камня,—
С людьми и не дружна порой была природа.

И от меня, увы, любимый друг таится,—
Уж так сотворена, бывает зла природа.

Дыхание весны дает цветенье розам,—
Едва дохнет весна — и расцвела природа.

Но розам не цвести, покуда хмур любимый,—
Он глянул — и от сна вдруг ожила природа!

Господь, ты ничего не создал хуже рока:
Жжет розу докрасна, палит дотла природа.

Из сердца бьет волна, рождая перлы мысли,—
Будь рада, Макнуна: тебе вняла природа.

* * *

Мне без тебя вино мое средь радости пиров —
огонь,
А без вина рубинов-губ мне сладость всех
плодов — огонь.

Как равнодушного увлечь? Напрасны стоны и
мольбы.
Друзья, пощады я прошу — в душе моей багров
огонь.

Сказать ли правду — ночь и день твоя измена
жжет меня:
Проснусь — палит меня тоска, и ночью среди
снов — огонь.

Без губ-рубинов даже мед мне как отравы
на устах,
Ты далеко — свечой горю, речей моих суров огонь.
Что делать мне и как терпеть его жестокую
любовь:
Я — как засохшая трава, а он — как жар
костров — огонь.

О друг, не спрашивай меня о жаре сердца моего:
Я от разлуки вся горю, все тело — до основ —
огонь.

И сколько б пламенный твой лик разлукою ни жег
меня,
Все мало, я — как мотылек, и жечь меня готов
огонь.

Ханжа бездушный, ты спросил гринину слез и мук
моих, —
Ты видишь: грудь тоской горит, ответ мой —
этот зов-огонь.

В словах печальной Макнуны — лишь пламя, а
больше — ничего:
В листках тетради — скорбь горит, диван моих
стихов — огонь.

Черны витки твоих кудрей — ночная пелена
любови,
А свет чудесной красоты — как полная луна
любови.

Без звука сладостных речей больному сердцу
жизни нет:
Краса твоих рубинов-уст — как жизнь сама,
полна любви.

Все сердце — кровь, в душе — лишь скорбь,
вся жизнь моя — крошечный мрак,—
Ведь это я твоей рукой к такой присуждена любви!
Твой лик — сокровищница тайн, тайн совершенства
красоты,
Моя ж печальная судьба — бездонная казна любви.
Мне суждены печаль и грусть, стенанья, муки,
боль измен,
И это — от любви к тебе,— жестоки времена
любови!

У бед любви суров закон: в степи безумья чахнуть
мне,
Сосуд любви разбит тобой, я в жертву отдана
любови.

Огнем вся печень сожжена, ей дать бы влагу уст
твоих,
Уста ж твои горьки, как соль,— как будто соль
нужна любви!

Ах, долго ль униженья прах мне будет усыпать
чело?
Ужель загублены тобой и слава и весна любви?

Готова я принять и боль, и радость милостей
твоих, —
Ведь раб покорный — Макнуна велениям верна
любви.

* * *

Жару, пышущему в груди, ты с твоею красой —
причина,
Реки слез я лью, погляди, и тому образ твой —
причина.

Вьются кудри ночью тьмой, прядям их черный
гребень — ровня:
Может быть, черный гребень твой темноты их
кочной причина?

Почему же не лить мне слез, если лик твой
румяный вижу?
Вешней радости рдяных роз только дождь
проливной — причина.

Пышет жар на лице твоём — яркий отблеск вина
хмельного, —
Если вся я горю огнем — значит, лик твой
хмельной — причина.

Твоим ликом опалены, на тебя все влюбленно
смотрят:
Если взоры все смятены, не другая виной причина!
Сладких уст твоих звук медвян, точки родинок —
тьмы темнее,
Они — пятнам сердечных ран, стону, взвиту
мною, причина.

Боль разлук, если ты далек, о счастливых
свиданьях дума —
Вот в чем стройного лада строк, что пропет
Макинуой, причина!

* * *

И в самых черных испытаниях мне безысходной
доли нет,
Пусть сердце и в лихих страданиях, а мне и в них
неволи нет.

И пусть любовь лихой повадкой мне душу и палит
и жжет, —
Какая польза в жизни сладкой, когда любовной
боли нет!

И пусть судьба гнетет жестоко, — что делать мне
как не терпеть?
Дождешься ли добра от рока? Добра в мирской
юдоли нет!

Не говори мне — мол, доколе ты будешь биться и
стенать, —
Я у кудрей твоих в неволе, и вырваться мне воли
нет.

И пусть же страсть к тебе сильнее бушует
в пламенной груди, —
Пусть сердце пышет, пламенея, — в душе терпенья,
что ли, нет!

Я в цветнике судьбы меж кущей печалью по тебе
томлюсь, —
О, почему весны цветущей, увы, мне в этом доле
нет?

Судьба пошлет ли тебе милость в твоих страданиях,
Макнуна?
Я вся от муки истомилась, и сил терпеть уж боле
нет!

* * *

О кравчий, ты б вина поднес, налей же, ведь
пришла весна,
Мне сладким дуновеньем роз о милом весть
принесена.

И расцвели в саду цветы, огнем тюльпаны налиты,
И рдеют в цветнике кусты, и сладок пряный вкус
вина.

И от весны совсем хмельной, в одежде краше роз
цветной,
Мой ладный кипарис — со мной, — взгляни,
как стать его стройна.

И в море страсти я плыву — то ли во сне,
то ль наяву,
Надеждой пламенной живу — я вновь в мечтах
на грани сна.

И плещет страстью ключ-родник, пунцово светится
твой лик,
И льются слезы горемык — валами бьющая волна.

А без тебя, о мой цветок, мой путь в полях
одинок,
Увы, слезами взор истек: боль от язвящих жал
сильна.

**В моих ресницах капли слез — как дети меж
колючек роз,—
Где тот, что муки мне принес? Как горько
я томлюсь одна!**

В обители любви дано моей душе вкушать вино,
Рассеет боль и скорбь оно: душа от радости
хмельна.

Свечой пылает Макнуна, и боль души —
И кто ту боль вкусил до дна, тому лишь честь
за то цена,
гореть дана.

* * *

О, как я верю, что ко мне надежд моих рассвет
придет,
Что луч проглянет в вышине — во тьму темницы
бед придет.

О, будь доволен долей мук — бездолейной долею
своей,
И доля радостная вдруг к тебе — во тьме
просвет — придет.

И со скрижалей сердца вмиг обиды недругов
И в сокровенный тот тайник твоих друзей привет
сойдут,
придет.

Туда, где мук и горя кров,— к приюту горестной
Лейли
Из тьмы безжизненных песков босой Меджнуна
след придет.

На покаянье сил не трать — не бейся головой:
Что пользы воздух сотрясать — какой в ударах
прок?

Смирись с уделом бедняка: рок не щадит людей,
Настигнет всех его рука — аркан он приберег.

За пологом небытия рок жертвы стережет, —
О Макнуна, судьба твоя горька на долгий срок!

* * *

О кипарис, ты украшаешь сад,
Весенних тайн красою ты богат.

Терзаюсь я, тоскуя по тебе, —
Кинь на меня хоть мимолетный взгляд.

О милый друг, не забывай меня,
Когда с другими негой ты объят.

А может быть, два раза ты придешь, —
Два ока на стезю твою глядят!

Для тех, кто гибнет от любви к тебе,
Твои уста желанней всех услад.

Когда мой прах заступишь ты ногой,
Взовьется к небу он, той чести рад.

Тебя лишь вспомню — дух мой рвется ввысь —
Летит, как птица, от любви крылат.

Когда я без тебя томлюсь одна,
Любой мой шаг раскаяньем чреват.

О Макнуна, стенания твои,
Вздываясь к небу, пламенем горят.

* * *

В любви к достойному любви, о сердце,
непритворным будь,
Друзьями преданных зови, им — преданным,
покорным будь.

Сколь хорошо всегда, везде чуждаться тех,
кто чужд беде,
Жалей влачащихся в нужде и в дружбе к ним
упорным будь.

И если хочешь власти ты, о двух мирах лелей
мечты,
Взыскуй любви и красоты, слугой при них
проворным будь.

Будь дальше от спесивой лжи, надменным, гордым
не служи,
Лишь со смиренными дружи, смиренным и
невздорным будь.

Куда б ни глянул ты вокруг, иди туда,
где верный друг,
Для верных не жалей услуг — в смирение
благотворном будь.

Где верность рдеет, как весна, сама будь
верности верна
И преданной, о Макинуна, свершеньям
животрепещущим будь.

КОММЕНТАРИИ

Бахрам — популярный персонаж героических и романтических произведений.

Вамык и Узра (Азра) — герои дастана поэта XI века Унсури. Вамык — образ несчастного влюбленного.

Газель (газаль) — лирическое стихотворение, главным образом любовного содержания, написанное бейтами (двустихиями), связанными одной рифмой.

Гулистан — буквально — цветник, розовый сад, символ цветущей страны.

Диван — собрание стихов.

Дастан — поэтическое сказание, романтическая поэма.

Джейхун — старое название Амударьи.

Джамшид — легендарный царь, герой древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

Зулейха — героиня дастанов многих восточных поэтов.

Иса — Иисус Христос; причисляется мусульманами к числу великих пророков.

Кааба — мусульманская святыня в Мекке.

Калам — тростниковое перо.

Кыбла — направление в сторону Мекки, куда обращаются мусульмане во время молитвы.

Коран — священное писание мусульман .

Лейли и Меджнун — классическая влюбленная пара, чья любовь окончилась трагедией. Этим героям посвящены поэмы Низами, Навои, Физули.

Мансур (858—922)— историческое лицо, еретик, казненный за богохульство.

Мекка — священный город у мусульман.

Мессия (Масих)— легендарный пророк. В некоторых стихах Надиры — символ света и жизни.

Мусамман — форма восточной поэзии, рифмуются шесть строк.

Мухаммас — форма восточной поэзии, пятистишия, в которых все строки имеют одну рифму.

Сулейман (библ. Соломон)— мудрый повелитель людей и стихий, символ могущества и справедливости. По преданию его вестником был удад.

Тарджибанд — форма восточной поэзии. Каждая строфа состоит из бейтов (двустихий). В конце строфы повторяется один бейт, который и по смыслу должен быть связан с ней.

Фархад и Ширин — герои популярных поэм Низами, Амир Хосрова и Алишера Навои.

Хызр — чудотворец, хранитель живой воды.

Хосров — прозвание некоторых иранских царей из династии Сассанидов.

Шейх Санъан — легендарный праведник, забывший обет смирения ради любви к девушке-христианке.

Шербет — сладкий прохладительный напиток.

Юсуф (Юсуп, библ. Иосиф Прекрасный)— герой поэтических произведений Востока.

Ковсер и Сельсебиль — по легенде, источники в раю.

Новруз — Новый год, отмечающийся в некоторых странах Востока в день весеннего равноденствия.

«Нун» — буква в виде дуги с точкой в арабском алфавите.

«Сад» — буква в виде слегка вытянутой петли в арабском алфавите.

Шейх — глава мусульманской религиозной общины, секты, школы; старшина племени.

Чанг — струнный ударный музыкальный инструмент.

СОДЕРЖАНИЕ

Надира (1792—1842).	3
---------------------	---

Узбекские стихи

Газели	5
Мухаммасы	90
Мусамманы	97
Тарджибанд	101
Песнь о разлуке	104

Персидско-таджикские стихи

Газели	109
Комментарии	124

Избранная лирика Востока

НАДИРА

Избранные стихотворения

Издательство ЦК КП Узбекистана
Ташкент— 1979

Иллюстрации народного художника
Узбекской ССР
Кутлуга Башарова.
Техн. редактор Г. Ломиворотова
Корректор Л. Шеина.

Сдано в набор 31.08.79. Подписано в печать 23.11.79.

Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1.

Гарнитура «Новая газетная». Печать высокая.

Усл. печ. л. 4,68+7 вкл. Уч.-изд. л. 3,73. Тираж 200.000

Заказ № 1709.

Цена на мелованной бумаге — 75 коп.
на типографской бумаге — 65 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана, г. Ташкент,
ул. «Правды Востока», 26.